

Сергей Лобанов
перекрёстки эпох
книга первая

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Сергей Владимирович Лобанов

Сквозь Время

Серия «Перекрёстки Эпох», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8486812
*Перекрёстки Эпох. Книга первая «Сквозь Время» / Сергей Лобанов:
Авторское; Ялта; 2014*

Аннотация

Недалёкое будущее – 2056 год.

Россия перенаселена китайцами.

В результате очередных выборов президентом становится гражданин России китайского происхождения Ли Чжибо. Постепенно он узурпирует власть и превращается в кровавого диктатора.

Новый президент объявляет, что территория Китая расширяется до Уральских гор. В России начинается война с диктатором. Сторону россиян принимают уйгуры, не довольные своим положением.

Они и россияне создают Объединённые Повстанческие Войска, где воюет капитан Иван Матешин.

Начинается фактически гражданская война между повстанцами и войсками диктатора, перерастающая в Третью мировую.

Отдалённое будущее – 2214 год.

Третья мировая война, унёсшая жизни двух миллиардов жителей планеты, закончилась сто пятьдесят лет назад. Весь мир поделён на две огромные конфедерации – Сообщество и Коалицию.

Человечество перемещается во Времени и в пределах Солнечной системы.

Фэд Наасс, криминальный авторитет Восточной сети улиц города Саант-Тирритта, заполучает незаконно выращенный Кристалл Времени, выращенный непризнанным учёным, и с его помощью начинает тайное насильственное перемещение солдат из других эпох для подготовки переворота с целью свержения законной власти в Сообществе.

Среди перемещённых находится капитан Иван Матешин – герой войны за освобождение России от кровавого диктатора.

Содержание

Часть I	5
Глава I	5
Глава II	41
Глава III	74
Глава IV	101
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Сергей Лобанов

Перекрёстки Эпох. Книга первая «Сквозь Время»

Часть I

Глава I Бес

«1. Нарушение Правил невмешательства лицом, находящимся во Временной плоскости, не повлекшее изменения Хода Истории, – наказывается условной нейтрализацией лица на срок от одного года до трёх лет с последующим восстановлением личности и не допущением в дальнейшем к перемещениям во Временных¹ плоскостях.

2. Те же деяния, совершённые:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) из корыстных побуждений;

в) с применением насилия к заведомо беспомощным обитателям Временной плоскости, – наказываются условной

¹ Слово читается с ударением на предпоследнюю гласную (прим. авт.)

нейтрализацией лица на срок от пяти до десяти лет с последующим восстановлением личности и не допущением в дальнейшем к перемещениям во Временных плоскостях.

3. Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, повлекшие существенные изменения Хода Истории, – наказываются безусловной нейтрализацией лица без права последующего восстановления личности.

Примечание:

Лицо, подвергшееся условной нейтрализации, на период её применения лишается гражданских прав и содержится в специализированных рекреациях с обязательным привлечением к принудительным работам или направлением в зону боевых действий, если таковые проводятся Сообществом.

В случае получения лицом увечья либо гибели в результате принудительных работ или боевых действий, событие признаётся правомерным ввиду лишения лица гражданских прав. Материальная и моральная компенсация лицу, получившему увечье либо родственникам погибшего лица, не предусмотрена.

Лицо, подвергшееся безусловной нейтрализации, лишается гражданских прав с конфискацией в пользу Сообщества имущества, принадлежащего лицу, содержится в специализированных рекреациях с обязательным привлечением к принудительным работам или направлением в зону боевых действий, если таковые проводятся Сообществом. При отсут-

ствии боевых действий, безусловно нейтрализованное лицо подлежит принудительным работам до истечения биологической жизни.

*Выдержка из Свода наказаний в редакции
Закона от 25 июля 2214 г. № 192,
принятого Главным Собранием 11 мая 2210 г.
и одобренного Высочайшим Советом
Сообщества 29 мая 2210 г.*

Грохот боя не прекращался более суток, небо застилал чёрный дым – горели нефтяные резервуары. Сквозь ядовитые лохмотья клубящегося смрада выглядывало солнце, тут же исчезало и снова появлялось. Если бы не оно, день походил бы на вечер.

Ночью же красноватые языки в горячем дыму багровыми сполохами чуть рассеивали тьму, выхватывая сюрреалистические тени разрушенных домов с чёрными проёмами окон-глазниц, сгоревшую бронетехнику, вывороченные куски бетона с торчащими прутьями арматуры, воронки, заполненные гнилой жижей. В иных ямах плавали разбухшие трупы солдат. Смрад горячей нефти не мог перебить вездесущую невыносимую вонь разлагающихся тел, превращённых в месиво танками, обуглившихся как запечённая в углях картошка, раздувшихся и почерневших от жары.

Горели не только резервуары, а сама земля, перепаханная

пушками турболётов, танков и залпами полковых установок. Казалось, ничто живое не способно выжить в этом аду. Однако солдаты изрядно поредевшего батальона поодиночке и разрозненными группами держали оборону пяти почти полностью разрушенных жилых домов, здания какого-то банка и небольшую площадь, развороченную вдоль и поперёк. Батальон героически погибал, но не отходил, выполняя приказ командира полка: держаться, держаться...

Держаться, пока основные силы не отойдут на запасные рубежи и не перегруппируются. Этот район города удерживали два батальона – «осы» и русские. «Осы» – это уйгуры из Освободительной Северной Армии, союзники. А русскими здесь называли всех выходцев не китайского происхождения. От этих двух батальонов после пяти дней непрерывных боёв и ураганных обстрелов не осталось почти ничего.

Пехотный капитан Иван Матешин укрылся под большим куском вывороченной железобетонной плиты. Удовлетворение от удачно выбранной позиции портил висящий вниз головой мёртвый китаец из войск диктатора, зацепившийся комбинезоном за решётку арматуры. У погибшего ещё при жизни горлом шла кровь, почерневшей лужей засохшая на чудом сохранившемся асфальтовом пяточке. В разинutom в предсмертной гримасе рте торчали тёмные кривые зубы. Из узкого разреза неплотно прикрытых век смотрели омертвевшие белки. На груди комбинезон выгорел, виднелась обожжённая плоть.

«Хороший китаец – мёртвый китаец». Этот расхожий афоризм уже набил Матешину оскомину.

– Расположился со всеми удобствами, сибарит, мать твою... – по-русски зло пробурчал капитан, недовольно разглядывая труп врага.

В его батальоне почти все знали русский язык и принципиально разговаривали только на нём. Это было удобно и тактически: далеко не все китайцы владели им.

– Кому это ты, Бес? – ожила гарнитура голосом командира второй роты и по совместительству начальника штаба батальона лейтенанта Андрея Сахно. Начальником он стал совсем недавно, сменив погибшего майора Сомова. Да и сам Бес с должности командира роты перешёл в комбаты, заменив «батю» – подполковника Иващенко, убитого вместе с майором.

– Ага, поделись, командир, – поинтересовалось несколько голосов наперебой.

– Да, понимаешь, висит тут один вниз головой и не уходит. И давно висит, главное дело, – с деланным возмущением ответил капитан.

– А ты где?

Это опять Сахно.

– На два часа от тебя, если ты всё ещё там, – отозвался Иван.

– Ага, вижу. Удобно разлётся. А ему там кровь к башке не прилила?

– Нет. Успел пасть разинуть.

– Ха-ха! Ты его?

– Не, это вчерашний или позавчерашний, портиться начал.

– Не отбивай аппетит, командир, – возник в эфире голос Лёхи Михальчука.

– Да, шас бы пожрать, – мечтательно протянул Пашка Сухоногов.

И тут же одновременно с Пашкой вплёлся голос чеченца Мусы Абдуллоева:

– Это Лях его снял вчера утром.

В эфире повисла напряжённая тишина, нарушаемая потрескиванием. Лях – Войцех Обуховский, погиб тем же утром.

Обстрел полковых установок китайцев усилился. Снаряды с лёгким шорохом проносились в задымлённом небе, с грохотом врезались в развороченную площадь, в стены домов, разваливая и без того разрушенное.

ГЛАВА I «БЕС» (отрывок из главы, адаптированной
по комикс.

ГРОХОТ БОЯ
НЕ ПРЕКРАЩАЛСЯ
БОЛЕЕ СУТОК...

...КРУГОМ БЫЛИ
ТРУПЫ...

...КАЗАЛОСЬ, ГОРЕЛА
САМА ЗЕМЛЯ...

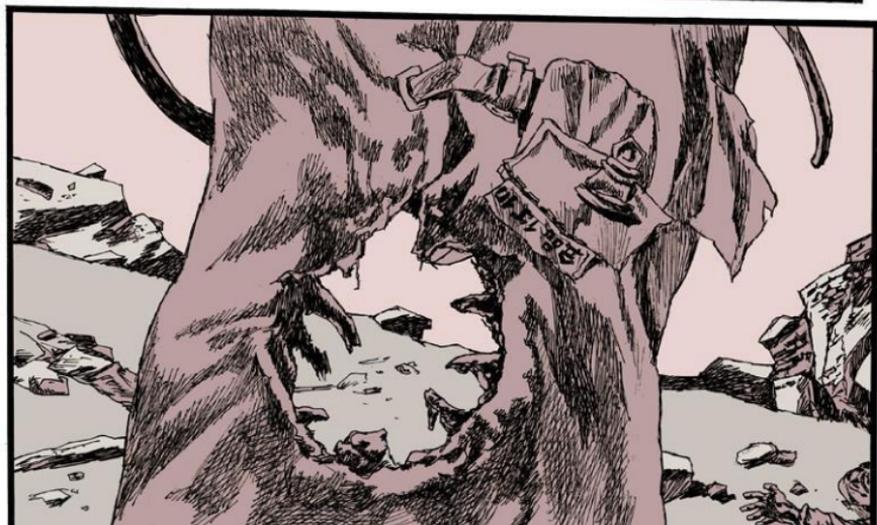
...ИЗРЯДНО ПОРЕДЕВШИИ
БАТАЛЬОН ПРОДОЛЖАЛ
ДЕРЖАТЬ ОБОРОНУ...

Пехотный капитан Иван
Матешин укрылся за куском
железобетонной
плиты...

Да, действительно —
хороший китаец —
мёртвый китаец...

Расположился
со всеми
удобствами!

Кому это ты,
Бес?

Да, понимаешь,
висит тут один
вниз головой
и не уходит.

...и давно
висит, глав-
ное дело...

А ты
где?

На два
часа от тебя,
если ты всё
ещё там.

Ага, вижу.
И правда, удобно
разлѣгся. А ему
там кровь к голове
не прилила?

Внезапно обстрел стих. От неожиданно установившейся тишины стало как-то неуютно, чувство тревоги от ожидания ещё худшего, усилилось.

– Держись, мужики, шас полезут опять, – сказал капитан.

Вскоре, лязгая гусеницами, из-за крайнего дома появился тяжёлый танк «Титан», за ним выполз ещё один, а затем ещё и ещё. Высыпавшая следом пехота быстро рассеялась, укрываясь за кучами мусора и вздыбленного бетона. Из-за обвалившегося угла дома фигурки всё появлялись и появлялись.

«Да сколько же вас там!» – мысленно чертыхнулся Бес, привычно прижимая к плечу приклад автомата.

Лязг гусениц стал слышен отчётливее, земля задрожала, Бес почувствовал лёгкую вибрацию под собой. С ближайшей кучи мусора посыпались камешки.

«Не придавило бы этой чёртовой плитой! – запоздало мелькнуло опасение. – Зато какой качественный склеп, а!»

Капитан отогнал нехорошие мысли.

От китайцев донеслись голоса на диалекте путунхуа.

Бес, как и все в батальоне, хорошо говорил по-китайски, владел несколькими диалектами. Государственным языком в стране уже много лет был китайский. И только дома русские могли разговаривать на своём языке. Родители тайно учили детей, читая по памяти сказки и рассказывая о том, что когда-то на русском можно было разговаривать совершенно

свободно, ничего не опасаясь. На нём были книги, велись передачи на радио и телевидении, он был языком великого русского народа и выражал тончайшие оттенки мысли, раскрывал самые глубокие чувства.

Когда-то китайский в той ещё России считался экзотическим языком. Но всё изменилось очень быстро. Переселение китайцев, активно поддерживаемое государственной политикой того времени, приняло массовый характер. Россиян становилось всё меньше, население старилось, громадные территории пустовали, работать некому.

В Китае же существовала острая проблема перенаселения, официально разрешалось иметь только одного ребёнка, но на деле детей рождалось больше и у них не было никакого будущего.

Рождение более одного ребёнка на территории других государств законодательством Поднебесной поощрялось. Предприниматели, открывающие бизнес, получали государственную поддержку. Китайцы быстро заполнили рынки, стройки, производства, являясь для коренных жителей дешёвой рабочей силой.

Вскоре дети первых переселенцев пошли в русские школы, начали изучать язык и со смешным акцентом разговаривали, умиляя детской непосредственностью и вызывая чувство некоего удовлетворения: вот, мол, уважают наши обычаи, язык учат.

Взаимная интеграция и сближение двух стран активно

продолжались. В России возникало множество совместных предприятий и фирм с иностранным капиталом. Дети первых переселенцев выросли, получили российское гражданство и заняли руководящие посты в этих организациях. Закончили военные училища и сделали военную карьеру. Пришли в науку и написали докторские диссертации. Создали свою политическую партию, пошли во власть, получили большинство мест в Государственной Думе и на очередных президентских выборах выдвинули своего кандидата, полностью соответствующего требованиям российского законодательства.

Кандидат Ли Чжибо был гражданином России китайского происхождения, всю жизнь с рождения проживал на её территории, не так давно перешагнул тридцатипятилетний рубеж. Так как избирателей-китайцев оказалось подавляющее большинство, их кандидат без труда обосновался в Кремле.

Этот чёрный для России день стал точкой отсчёта в наступлении часа гибели страны и народа. Новый президент и подконтрольная ему Дума принимали нужные им законы и проводили их в жизнь. Китайский уже давно стал вторым государственным языком и постепенно вытеснил русский. В школах дети посещали факультативные уроки русского лишь по настоянию родителей, ещё цеплявшихся за прежние устои. Подрастающее поколение учило его неохотно, потому что все везде всё равно разговаривали по-китайски. Телевидение, радио, кино, газеты, книги, учебники, уличная ре-

клама, ценники в магазинах – всё на китайском. Граждане, считавшие себя русскими от рождения, постепенно смешали свою кровь с кровью подданных Поднебесной.

Державшиеся за старое, стали селиться отдельными замкнутыми общинами. Со временем власть начала притеснять их сильнее, налагая больше запретов на русскую культуру, обычаи и язык. Места лишения свободы переполнялись недовольными, их нещадно притесняли и эксплуатировали, лишив элементарных условий существования.

Кто-то поступил хитрее, приняв неизбежное, но тайно храня прежние устои.

Президент тем временем значительно укрепил единоличную власть, внёс изменения в Конституцию, увеличил президентский срок до десяти лет с возможностью переизбрания на второй срок. Вскоре он стал фактически диктатором, узурпировал власть и переместил столицу в Сочи.

Портреты Великого и Мудрого красовались едва ли не на каждом углу, его восхваляли и возносили, сочиняли оды и гимны. Разрозненные возмутители показного благоденствия вмиг оказывались за решёткой. По-настоящему серьёзное волнение вспыхнуло, когда Великий и Мудрый объявил, что территория прежнего Китая расширяется до Уральских гор и именно там теперь проходит новая демаркационная линия. Бывшая территория России, теперь будет называться Северным Великим Китаем.

Волнение перешло в восстание. Оно неизбежно оказалось

бы подавленным, однако сторону восставших неожиданно приняло двухсотмиллионное население уйгуров, недовольных своим положением и политикой диктатора.

В ассимилированной России вспыхнула фактически гражданская война. Силы русских и недовольных правлением диктатора уйгуров сформировались в Объединённые Повстанческие Войска численностью порядка десяти миллионов человек.

Острые на язык россияне быстро окрестили уйгурскую часть армии «осами» от аббревиатуры «ОСА» – Освободительная Северная Армия. Уйгурам название понравилось и они ввели опознавательные знаки – шевроны с изображением осы, а на касках стали рисовать небольшой значок из трёх чёрных линий и двух жёлтых, под расцветку насекомого.

Россияне в своих подразделениях ввели запрещенный диктатором и от этого уже подзабытый триколор, а на его фоне – изображение двуглавого державного орла.

В ходе войны одна из стратегических шахт несколько раз переходила из рук в руки. В конце концов, с неё произвели несанкционированный запуск по США.

Американцы мгновенно среагировали, уничтожили ракету и проявили чудеса выдержки и гуманизма, ответив лишь одним запуском.

Штатовскую ракету сбили над акваторией Атлантического океана.

Земной шар повис на волоске в ожидании ядерного апо-

калипсиса.

Диктатор поклялся, что в следующий раз сотрёт с лица земли североамериканский континент, если в сторону Северного Великого Китая будет пущена ещё хотя бы одна баллистическая ракета.

Американцы в свойственной им манере сказали: «фак» и пообещали сделать то же самое с Северным Великим Китаем, а заодно и со старой Поднебесной.

Тем временем Великий и Мудрый поставил под ружьё невиданную доселе армию – двадцать миллионов штыков и объявил, что ему интересны нефтяные месторождения Ближнего Востока.

Правоверные дружно воскликнули: «вах!», толпы фанатиков рвали и жгли флаги и портреты диктатора, призывая к джихаду, заочно приговорив Великого и Мудрого к смерти. Им активно вторили союзники русских уйгуры – мусульмане в подавляющем большинстве.

Тем временем Ли Чжибо заимел подвижников в лице народов, исповедующих буддизм. Армия Великого и Мудрого увеличилась до сорока миллионов бойцов.

Страны обеих Америк и Австралия заняли выжидательную позицию. К ним охотно присоединилась вечно нейтральная Швейцария, гарантировав всем участникам назревающего конфликта неприкосновенность банковских вкладов. Остальные страны Европы тоже помалкивали, задыхаясь в своих проблемах с переселенцами из Африки.

На одном из официальных приёмов проводившемся во дворце диктатора, возведённом на берегу Чёрного моря, чернокожий американский посол несколько высокомерно высказался по поводу очередного заявления Великого и Мудрого. В ответном спиче диктатор совершил немыслимое – на хорошем русском языке послал его к одной матери и плюнул ему на чёрную лысину.

Скандал случился грандиозный.

Как только об инциденте узнали жители африканского континента, диктатор сразу же обзавёлся целым материком недоброжелателей.

Чернокожий президент Соединённых Штатов, братом которого являлся оплётанный полномочный посол, воспринял это как личное оскорбление. Так как русского языка он не знал и находился довольно далеко от Сочи, то лично послать диктатора, а тем более плюнуть в него не мог, поэтому послал ноту протеста и разорвал дипломатические отношения с Северным Великим Китаем и Поднебесной.

Подобные ноты с последующим разрывом отношений посыпались от стран членов блока НАТО.

Самолюбию Великого и Мудрого был нанесён урон.

Пятого сентября две тысячи пятьдесят шестого года он объявил войну Соединённым Штатам Америки.

Третья мировая началась.

Первые китайцы вошли в зону поражения.

Бес открыл огонь, короткими очередями расстреливая пехоту. Казалось бы, мёртвая площадь и дома, окружающие её, ожили выстрелами.

Китайцы, зло огрызаясь, агрессивно пробирались вперёд, достигли центра площади и захватили два полуразрушенных дома, где из бойцов капитана в живых не осталось никого.

Иван в очередной раз сменил опустевший магазин и принялся выцеливать наиболее дерзкого китайца. За свою неуёмную энергию тот поплатился жизнью.

Танки неукротимо ползли вперёд, ведя на ходу стрельбу из пушек.

Бес подтянул ближе гранатомёт. Привёл его в боевое положение, навёл оружие на ближайший танк, целясь в основание низкой башни, где защита мощных и эффективных «Титанов» была наиболее слабой. Этакая Ахиллесова пята. Конструкторы ничего не могли с этим поделать.

Улучив момент, выстрелил. Заряд с шипением пролетел расстояние, отделяющее его от цели. Расчёт оказался верным. Танк, вспыхнув спичкой, окутался чёрным дымом.

– Отличный выстрел, командир, – прокомментировал Муса Абдуллоев.

– Благодарю, Муса. Ты хорошо меня похвалил, получишь вкусную конфету. Как у тебя?

Абдуллоев грустно ответил:

– Я в порядке. Сухоногов погиб полчаса назад.

Бес зло выдохнул:

– Сахно, доложи о потерях.

Лейтенант отчитался:

– По последним данным, поступившим из рот, потери личного состава – до восьмидесяти процентов. Если из пяти рот наберётся одна, это хорошо.

Капитан молча выругался.

«Где же эти чёртовы «осы», где обещанная поддержка с воздуха? – зло подумал он. – Штабисты, сволочи, положили батальон почём зря».

Отвлечься от невесёлых мыслей его заставила тройца китайцев, быстрыми перебежками устремившаяся прямо на его позицию.

«Гостей я не жду», – подумал Бес и тремя точными выстрелами успокоил бегунов.

Совсем близко отчетливо послышался рев двигателя. Над кучей мусора появился ствол пушки, а через мгновение – днище танка с ползущими по каткам лязгающими гусеницами.

Бес схватил уже готовый к выстрелу гранатомёт, и саданул по днищу машины. И в этот раз танк загорелся и замер, окутываясь едким дымом.

«Сейчас здесь станет совсем жарко, пора уносить ноги», – подумал Иван, торопливо собирая снаряжение.

Он наметил разбитый проём окна на первом этаже ближайшего к себе дома. На пути стоял сгоревший пару дней назад танк и лежала куча кирпича, образовавшаяся от рух-

нувшей части стены дома.

Одна перебежка до танка, одна до кучи, одна до окна.

Вперёд! Пошёл!

Капитан метнулся к сгоревшему танку. От китайцев зло затрещали выстрелы. К счастью, мимо. Со стороны своих последовали редкие ответные. Бойцы как могли, прикрывали бегущего командира.

Он лишь на мгновение задержался у танка и понёсся к куче. В бронемашину врезался выстрел из гранатомёта, объяв уже сгоревшую махину новым пламенем.

«Каков салют, а! Приятно, господа, приятно. Однако ваше внимание начинает утомлять», – думал на бегу Бес, хаотичными зигзагами и перекатами продвигаясь к куче. И там он задерживаться не стал, памятуя о случае с танком. Запрыгнув в окно дома, услышал, как в кучу врезался очередной заряд, разметав её и объяв пламенем.

Любоваться из окна пейзажем он тоже не рискнул и выкатился в коридор, торопливо поводя автоматом. Комната вспыхнула от влетевшего заряда, и тут же грохнул взрыв.

«Да в рот тебя мама целовала! Что там за стрелок выискался? Пристал как банный лист», – возмущённо подумал Бес, подлетел с пола и по засыпанной мусором лестнице вбежал на второй этаж, по пути наступив на раздувшееся от жары тело какого-то солдата из своего батальона.

«Прости, братишка, не специально!» – мысленно извинился он.

– Командир, ты цел? – спросил Муса.

– Порядок, я на втором. Что там за гад выцеливал меня?

– Забудь, я уже разобрался с ним.

– Получишь ещё одну конфету.

– Я шоколадные люблю, с тёмной начинкой, учти, – весело сказал Муса.

– Я тоже, поделишься? – вмешался Сахно.

– Обойдёшься, – с нарочитой грубостью ответил Абдуллоев. – Похвали командира, может, и получишь чего в награду.

Бес аккуратно выглянул в окно. Прямо перед ним, размазывая тела своих мёртвых солдат, двигался танк.

Иван вставил в гранатомёт последний заряд, прицелился и произвёл выстрел. Заряд взорвался, не причинив танку особого вреда.

Перебежав к очередному укрытию, капитан затылком вдруг почувствовал чей-то взгляд, не оборачиваясь, упал и откатился в сторону, выставив перед собой автомат. Из тёмного угла на него испуганно глядели три пары глаз: женщина европейской внешности и двое детей, мальчик лет шести и девочка помладше, с явными признаками смешения европейской и азиатской кровей. Все трое в каких-то лохмотьях, грязные и измождённые.

– Не стреляйте... – вымолвила женщина по-русски, со страхом закрывая жмущихся к ней малышей.

Настороженный Бес и не подумал убирать оружие.

– Почему вы остались, почему не ушли сразу? – спросил

он тоже по-русски.

– Не успели, я в той неразберихе детей потеряла, а когда нашла, было поздно.

– Где ваш муж?

– Воюет в Освободительной Армии.

– Жив?

– Не знаю... – упавшим голосом ответила женщина. – Вы не убьёте нас?

Бес поднялся и вновь осторожно выглянул в окно. Порядка десяти китайцев пробежали мимо. Он открыл беглый огонь, а когда на секунду оглянулся, женщины с детьми уже не было.

Бой продолжался.

К вечеру батальон, как войсковое подразделение, перестал существовать.

Иван, не переставая, вызывал на связь хоть кого-нибудь.

Всё тщетно.

Похоже, он остался один. Выглядывая из очередного укрытия на занятую врагами площадь, в бессильной ярости скрипел зубами и монотонно стучался сферой в выщербленную кирпичную стену.

А на закате в небе появились два турболёта с эмблемами осы на бортах. На подлёте командир звена вышел на связь:

– Уходи, Бес, уводи всех, начинаем работать.

«Не прошло и полгода», – с раздражением подумал капитан.

Турболёты, барражируя, пропахали площадь пушками и убрались восвояси, залив всё жаром пламени.

Наступила ночь. Сидя на полу, привалившись спиной к стене, капитан равнодушно смотрел в проём на площадь, где бушевало пламя. С треском лопались раскалённые кирпичи и бетон, веяло нестерпимым жаром.

«Пора уходить», – вяло думал Иван.

Двигаться не хотелось, навалившаяся апатия сковала тело, и он продолжал смотреть на зарево, где навсегда исчез его батальон.

Капитан воевал все четыре года, с самого начала войны. Он родился двадцать четвёртого января две тысячи тридцать четвёртого года в русской семье и был единственным ребёнком, что у русских считалось нормой. Когда ему исполнилось шесть, в стране избрали первого китайского президента – будущего диктатора.

Родители выбрали тактику приспособления, полностью приняв неизбежное, сохраняя в маленькой семье приверженность к русской культуре, языку и образу мышления.

Окончив школу, Ваня выразил желание стать военным и поступил в пехотное училище, где не китайцев из курсантов и преподавательского состава насчитывались единицы. Впрочем, как и в школе. Учиться из-за национальной принадлежности было нелегко, но Иван терпел, всячески выражая лояльность существующему режиму.

Вручив выпускнику новые лейтенантские погоны, его направили на Крайний Север. Там служили почти все выходцы не китайского происхождения. Другого места в Великом Китае для них не нашлось.

Неожиданно началось восстание, перешедшее в гражданскую войну. А там грянула и третья мировая. Лейтенант Иван Матешин, не задумываясь, вступил в Объединённые Повстанческие Войска, где довольно быстро дослужился до капитана и командира батальона. На войне такое в порядке вещей, когда лейтенанты командуют батальонами, замещая убитых майоров, подполковников и полковников, а он всё-таки получил звание целого капитана.

Ко времени назначения на батальон он был дважды ранен, контужен, повалился в госпиталях, стал кавалером двух орденов «Доблесть Честь и Отвага», имевших у солдат наивысший почёт и признание. К нему намертво прилепился позывной «Бес» – за храбрость, дерзость, поистине бесовскую хитрость и беспощадность к врагу.

Пленных Иван не брал принципиально, за что постоянно получал взыскания от командования, нуждавшегося в «языках». Он безжалостно добивал раненых и тех, кто пытался сдаться, рассчитывая на пощаду.

Вскоре слухи о нём поползли по войскам, и по истечении четырёх лет войны, к двадцати шести годам капитан Матешин стал почти легендой. Большинство бойцов его никогда не видели, но исправно передавали друг другу слухи-небы-

лицы. По этим слухам он попадал в плен, откуда уходил, прихватив отрезанную голову генерала; в одиночку дрался в рукопашную с целым взводом китайцев и всех, естественно, убил; на захваченном у врага турболёте уничтожил вражеский аэродром со всей техникой и живой силой.

Усталость сковывала веки, закрывая зелёные глаза с беспощадным взглядом, ставшим таким за годы войны.

Незаметно для себя Иван погрузился в чуткий поверхностный сон.

Он, папа и мама приехали на море, жарко палит солнце, воздух напитан незнакомыми запахами. Отец, стоя по пояс в воде, держит его сильными руками и окунает в воду. Он орёт благим матом, потому что боится, отец смеётся и говорит: «Не бойся, я же держу тебя!»

Мама хмурится, глядя на плачущего ребёнка, отец продолжает смеяться, а он, злой на папу, орёт пуще прежнего.

Потом он привык к воде и, жмурясь от солнечных бликов, шлёпая по мелководью, хватает белесых медуз.

Мама из-под широкополой пляжной шляпы смотрит, чтобы он не убежал далеко, а папа, раскинувшись на крупной гальке, подставляет сильное тело под палящие лучи солнца. Потом приходит какой-то дядя, что-то властно говорит, махая рукой в сторону. Они куда-то идут, он чувствует тревожные флюиды, идущие от мамы и папы. Мама говорит что-то успокаивающее, а папа катает желваки.

Он сидит у отца на согнутой руке, обхватив шею, и смотрит, как на их месте располагается китайская семья с четырьмя маленькими детьми.

Он не понимает, почему они уходят, ведь с этими детьми можно поиграть, и спрашивает об этом у мамы.

Та говорит, что они поищут другое место, а папа, плотно сжав губы, легко гладит его по голове и добавляет:

– Они не станут играть с тобой, Ванечка, потому что ты – русский.

Бес открыл глаза.

Попадающий в проём окна жар с площади немного спал и утратил яркость.

Иван глянул на часы, – полпервого. Пора уходить. Выглянул в коридор, держа наготове автомат. Чутко прислушался.

Тихо.

Выскользнул из комнаты, дошёл до лестничного марша, вновь замер. Набрал в лёгкие побольше воздуха, дошёл до раздувшегося тела бойца, сорвал с его шеи личный номер, спустился на один пролёт, выдохнул.

На противоположной стороне дома, стало несколько прохладнее. Сохраняя осторожность, Иван выскользнул из окна на улицу. Предстоял долгий путь – почти через полгорода. По времени это займёт пару ночей, без воды и пищи. Колыхнул фляжку, нет, вода есть, где-то половина, уже хорошо.

Выгоревшие нефтяные резервуары дыма почти не давали,

но хоть небо затянуто тучами, что неплохо: прогулки под лунной ему сейчас ни к чему. Стараясь держаться у стен зданий, капитан двинулся в путь.

Через пару кварталов увидел мелькнувший огонёк сигареты.

Часовой? Почему курит? На посту курить – здоровью вредить. Каждая выкуренная сигарета сокращает жизнь, на сколько там? На одну минуту, на две? Этот, похоже, выкурил все сигареты в своей жизни.

Китаец сидел между двух вывороченных бетонных плит и смолил в кулак, положив автомат на колени.

«Часовой, мать твою!», – мысленно выругался капитан, глядя на вопиющее нарушение устава караульной службы. Но это был враг, и отчитывать его за нарушение Иван собирался как врага.

Бес внезапно возник перед китайцем чёрной тенью возмездия. От неожиданности часовой дёрнулся всем телом и поперхнулся дымом. Это было последнее, что он успел сделать в жизни.

НРС – нож разведчика специальный, к настоящей войне претерпевший неоднократную модификацию, вошёл часовому под челюсть, пробил язык, нёбо и мозг. Китаец кулём сунулся в ноги капитану. Бес, придерживая его автомат, аккуратно привалил тело к плите и обшарил вражескую разгрузку, пополнив автоматными магазинами свой оскудевший запас.

Выглянув из-за плиты, Иван насчитал семь спящих китайцев. Часовой был только один, да и тот никудышный.

«Ну что ж, тем хуже для вас, тем хуже для вас», – удовлетворённо подумал он.

Бес действовал быстро. Перемещаясь от спящего к спящему, аккуратно приставлял у уха шомпол и бил по нему ладонью, отчего тот проникал через ушную раковину в мозг. Смерть мгновенная и гарантированная. Никаких криков, сопротивления и возни.

Проделав необходимую работу, перевёл дух. Затем вдоволь напился из чужой фляжки, наполнил свою водой, прихватил пару консервных банок, добил разгрузку магазинами, разжился прибором ночного видения совмещённым с биноклем.

Пробираясь дальше, дошёл до высоченной кучи из битого кирпича из сложившихся бетонных плит.

Разрушенный высотный дом.

Дело шло к рассвету.

Немного подумав, решил взобраться наверх и там устроить дневной привал. Соблюдая максимальную осторожность, начал путь, выбирая наиболее надёжные выступы и неровности, избегая осыпей мусора и битого кирпича. Достигнув высоты, перевёл дух, осматривая открывшуюся панораму разрушенного города, освещённого заревами пожаров.

Затем нашёл подходящее углубление, вполне достаточ-

ное, чтобы укрыться от обзора с барражирующих вражеских турболётов.

Небо постепенно очистилось от туч и заалело на востоке.

«Будет хороший день», – подумал Иван, уплетая с ножа содержимое консервной банки и осматривая в бинокль окрестности. О том, что этот нож несколько часов назад лишил жизни человека, не считая того, что было раньше, Бес вообще не думал: такие пустяки его не волновали.

Едва вошло солнце, капитан увидел группу китайцев численностью до роты. Они шли оттуда же, откуда ночью пришёл и он. Солдаты, разбившись на группы, заходили в каждый дом, обстреливали и забрасывали ручными гранатами кажущиеся им сомнительными помещения, и выходили на улицу, медленно продвигаясь дальше. Впереди шёл дозор из пяти человек.

Зачистка.

Пришло опасение, что враги непременно поступят, как и он, и взберутся на кучу. Оставлять в тылу господствующую высоту, по меньшей мере, неразумно.

Дойдя до кучи, командир группы действительно отправил наверх десять солдат. Остальные, рассыпавшись, заняли оборону.

«Ну, всё верно. В одних же училищах учились, одну тактику изучали», – чертыхнулся Бес.

Оставалось только одно – начинать спуск и сойти раньше, чем враги поднимутся.

Иван так и поступил, закопал пустую консервную банку и торопливо заскользил вниз на осыпях кирпича, стараясь ненароком ничем не ушибиться.

Внезапно в небе появились две точки, увеличивающиеся на глазах.

Турболёты.

Скорее всего, вражеские. А хоть и свои, эти тоже сильно разбираться не станут, жахнут из пушек и со спокойной совестью дальше полетят.

Точки приближались, быстро увеличиваясь в размерах. Иван скользнул под бетонную плиту, едва уместившись в узкой щели. Сферу пришлось снять.

Машины пробарражировали на небольшой высоте, подняли завихрения пыли, мигнули бортовыми огнями взобравшимся на кручу солдатам и скрылись из пределов видимости капитана. Солдаты помахали уходящим машинам в ответ и начали спускаться.

Они прошли мимо забившегося в щель капитана. А он лежал на спине, чувствовал заросшей трёхдневной щетиной щекой холод плиты и видел запылённые берцы спускающихся врагов. Прошло семь пар, значит, трое остались наверху, удерживая господствующую высоту.

В такой неудобной позе он пролежал весь день, попеременно напрягая и расслабляя группы мышц, чтобы тело окончательно не затекло.

Наконец, к вечеру оставшаяся троица начала спуск. Двое

прошли, не задерживаясь возле укрытия Беса, а третий вдруг повёл носом и остановился.

Капитан нахмурился:

«Ну и чего ты тут учуял?»

Неожиданно китаец с чувством чихнул.

«Чтоб ты сдох!», – пожелал ему Иван.

Солдат чихнул ещё раз.

«Во, точно сдохнешь!», – удовлетворенно подумал капитан.

Китаец шумно высморкался, большие зелёные сопли щедро полетели в пыль.

«Фу, как некультурно», – усмехнулся Бес.

Солдат постоял, подумал, встал на кусок кирпичной кладки, торчащей из кучи, расстегнул ширинку, сосредоточился и, как с трамплина, с чувством облегчения на лице, стал поливать пыльный склон, вращая тазом, высоко посылая струю.

«В пасть себе нассы и пополощи, чтоб не воняло», – сделал ему мысленный посыл Бес.

Не подействовало.

Китаец на мгновение замер и со значительным выражением лица громко спортил воздух.

«Ба! Экий ты у нас важный, никак целым отделением командуешь, вон какое лицо партсекретаря ваших долбаных ячеек, – вновь усмехнулся капитан. – Давай уже двигай, а то заблудишься, возись потом с тобой!»

Сделав своё дело, солдат ушёл.

«И чего только не увидишь, отдыхая вот так в теньке, – размышлял Иван. – С кем приходится воевать, даже как-то неловко, право слово».

Дождавшись темноты, он покинул ставшее ненавистным укрытие. Некоторое время разминал тело, придавая ему подвижность и гибкость. Затем долго рассматривал в бинокль, подключив прибор ночного видения, окрестности, пытаясь установить местоположение прошедшего днём врага. Сделать это не удалось, то ли далеко ушли, то ли укрылись за каким-нибудь строением.

Наметив маршрут, капитан начал движение.

В этот раз часовой заметил его раньше.

– Стой! Кто идёт? – крикнул он в темноту.

– Свои! – ответил на его диалекте Бес, понимая, что отступать поздно, и лихорадочно соображая, что делать дальше.

Но соображай, не соображай, а кажется, всё, отвоевался, капитан...

– Стоять! Осветить лицо!

– Нечем!

– Пароль?

– Не знаю, отбился от своих, иду наугад.

Часовой открыл огонь на поражение.

Бес рухнул ничком и, огрызнувшись короткой очередью, торопливо начал отползать назад.

Послышались крики команд, в небо взлетела пара осветительных ракет.

Бес бросился в спасительную темноту.

В опасной близости со смачными щелчками легли пули, выбив из кирпичных обломков фонтанчики пыли.

Он побежал дальше.

Следом слышался топот, крики врагов.

Забежав за угол, перевёл дух. Вскинул автомат, удобнее приложил приклад к плечу и открыл огонь по подбегающим фигуркам.

Враг залёг, ответив ураганной стрельбой.

Иван сменил позицию, обегая дом, с целью перебежать на другую сторону улицы.

Из-за угла неожиданно выскочил китаец, зашедший с тыла.

Бес снизу вверх ударил прикладом в челюсть врагу.

Раздался хруст одновременно с коротким воплем. Солдат бесформенной куклой рухнул на битый кирпич, его автомат с характерным для оружия лязгом упал рядом.

Бес перепрыгнул через тело, выстрелил ещё в одного, показавшегося из-за дальнего угла дома.

Тот юркнул обратно.

Пули выщербили кирпич.

Китаец тут же высунулся и выстрелил в ответ.

Капитан сделал кувырок, с колена выстрелил вновь. Попал. Пули выбили пыль из форменной куртки, прострелен-

ное тело свалилось за угол, виднелись только дёргающиеся в агонии ноги в высоких берцах.

Иван тем временем перебежал улицу, прыгнул в тёмный проём окна соседнего дома, развернулся, выстрелил короткой очередью наугад и сменил опустевший магазин.

Пробежал тёмный дом насквозь, выпрыгнул из окна с противоположной стороны и прижался к стене. Перед ним лежала усыпанная мусором большая площадь без каких-либо элементов для укрытия, не считая сторевавшего легкового автомобиля, до которого не менее ста метров.

Торопливо, через прибор осмотрев площадь, Бес, не тратя время на замысловатые зигзаги, рванул напрямки к автомобилю. Добежав на одном дыхании, постоял, переводя дух. От машины до следующего здания с зияющими чернотой проёмами окон примерно такое же расстояние.

Вновь воспользовался прибором.

Никого.

Сзади тоже тишина.

Преследователи идти дальше не рискнули.

«Ну и правильно, нечего по ночным улицам шляться. Не ровен час, на хулиганов наткнётесь, по харям получите», – с сарказмом подумал капитан.

Выдохнул и с не меньшей скоростью побежал к спасительному зданию. Преодолев это расстояние, прижался к стене. Чувство опасности не позволило по обыкновению нырнуть в оконный проём. Заглянув в него, ничего не увидел.

Поглядел через прибор.

Никого.

И всё же что-то было не так.

Пошёл вдоль стены, низко пригибаясь перед проёмами.

Из очередного чёрного провала струился едва заметный мерцающий отблеск пламени.

Бес аккуратно заглянул в окно.

Большая захламлённая комната с висящими струпами рваных обоев, небольшой кусок двужильного кабеля торчит из круглой дырки на потолке. Возможно, там когда-то висела люстра и ярко светила, а счастливая и мирная семья сидела за столом и пила чай с вареньем или с конфетами с тёмной начинкой, их так любил Муса...

У дальней от окна стены, обложенный со всех сторон кирпичами, горел небольшой костерок. Вокруг три женщины с маленькими детьми. Колеблющееся пламя падало на их усталые грязные лица, отражаясь в застывших, наполненных страхом взглядах.

«Мирные жители, женщины и дети, наиболее всего страдающие от войны и её последствий. Постоянные обстрелы, разруха, голод, грязь, растерянность и незащищённость. Им-то за что всё это? – думал капитан. – Любые войны начинают и заканчивают политики, сильные мира сего. Они прикрывают непомерные амбиции и жадность государственными интересами, на словах очень пекутся о благе народа и ввергают его в хаос войны, обрекая на страдание и смерть. Будьте вы

все прокляты!

Политик – мерзавец по определению, потому что политика грязное дело. Нормальный человек не может заниматься политикой, на это способен только извращённый и развращённый разум. Политику считают тонкой игрой. Но суть этой игры всегда одна – удовлетворение амбиций, осознание, что владеешь судьбами мира.

Политикам наплевать, что я о них думаю. Они таких как я и всех остальных имели, имеют и будут иметь, придумав замечательный афоризм: «Бог терпел и вам велел». Терпите и на Том Свете вам обязательно воздастся. А пока вы терпите, мы будем вас иметь.

Это политика, капитан, и ты это знаешь».

Бес вздохнул, отгоняя вдруг возникшую ненужную ему жалость к женщинам и детям.

Неразумно ночью жечь костёр, но, наверное, холод от стен вытягивает последнее тепло из слабых тел. На огонёк может кто-нибудь заглянуть, но вряд ли захочет помочь бедолагам.

Он тоже совсем не добрый дядя и не станет им помогать, потому что всё равно ничем помочь не сможет.

Пригнувшись, капитан скользнул мимо окна, дошёл до угла дома и аккуратно выглянул. Удар чего-то тяжёлого в лицо, яркая вспышка, непереносимая боль, убегающая в сторону стена и неожиданно появившееся перед глазами начинающее светлеть небо.

Его заслонила ухмыляющаяся широкая рожа с узкими

щёлками глаз. Затем отстранилась, её место занял приклад и стал подниматься, чтобы через мгновение резко опуститься, превратив лицо капитана в заполняющийся кровью провал.

От полученного из-за угла удара сознание мутилось, но всё же Иван сумел увидеть, как всё начало странно искажаться, ближние предметы потеряли чёткость, а дальние будто накрыло некой пеленой и они стали невидимы.

Вначале он отнёс это на последствия от удара. Но вместо искажённых очертаний проступили другие, странные и чем-то знакомые. Чтобы это понять, нужно время, но всё продолжает меняться и вот появляется видение иного мира, приближаются фигуры в непривычной одежде с непонятными приборами или оружием в руках. Наверное, всё же оружием, потому что капитан видел, как фигуры направляют его на замерших в недоумении китайцев, ставших безвольными. Их куда-то повели. А к нему подходят двое, переглянувшись, принимают какое-то решение, берут под руки и поднимают.

Перед тем как окончательно потерять сознание, Иван успел подумать:

«Значит, вот так наступает смерть, да? Разверзается небо, выходят ангелы или демоны.

Что ж, не самый плохой вариант. И демоны не очень чтобы страшные. А кто ж ещё за мной придёт, если я сам – Бес?»

Сознание капитана потухло, он провалился в черноту.

Глава II

Ритан Поолл

Офицер Управления Департамента Полиции Времени, специалист первого класса перемещений во Временные² плоскости майор Ритан Поолл смотрел в окно, развалившись на заднем сиденье такси. За стеклом проплывали кучерявые громады белых облаков. На самом деле, конечно же, мимо облаков проплывало такси, а они, казалось, застыли на месте, зацепившись за многочисленные шпили и посадочные терминалы небоскрёбов.

Всё это Ритан привык видеть с детства и, тем не менее, интерес не угас. Всякий раз он находил что-то такое, чего разглядеть ранее по неизвестным причинам не удавалось. Он любил небо и облака, и вид этих громадин всегда вызывал чувство необъяснимого волнения. Чаще всего Ритан рассматривал облака с земли в одной из Временных плоскостей. Именно там он провёл без малого десять лет из тридцати, что уже успел отмерять, появившись на свет в не самом лучшем из миров.

Из окна такси далеко внизу, затянутые туманной дымкой, иногда просматривались глубокие колодцы, образованные близко стоящими небоскрёбами – земля здесь очень до-

² Слово читается с ударением на предпоследнюю гласную (прим. авт.)

рогая и здания тянутся ввысь насколько это возможно. Между домами мельтешили многочисленные вереницы флаеров всех типов, размеров и цветов,двигающиеся лишь на первый взгляд совершенно хаотично. Однако же и в этой кажущейся беспорядочности существовали чёткие правила, призванные регулировать движение воздушного транспорта. Несмотря на это, аварии случались часто, и всё сыпалось вниз, разбивая и царапая обшивку других летательных аппаратов, что вызывало справедливое негодование их владельцев.

Где-то почти у земли пояс энергетических ловителей создавал защиту от падающих обломков, а иногда и самих флаеров, полностью вышедших из строя и потерявших способность зависать на своём уровне без движения на неопределённое время.

Следить за соблюдением установленных правил, а также не допускать конфликты по причине аварий были призваны воздушные инспекторы на ярко-красных флаерах с усиленными двигателями, с двумя бортовыми ловителями для непослушных, и с двумя штатными бортовыми излучателями – это на самый крайний случай. Бывало, какой-нибудь лихач, уходя от преследования, устраивал настоящие гонки, закладывал немислимые виражи, хаотично перестраивался из ряда в ряд, из яруса в ярус, распугивал остальных, создавая неразбериху и аварийные ситуации. Таких гонщиков блокировали бортовыми ловителями.

Попадаться по понятным причинам любителям острых

ощущений не хотелось, так как их ждали лишение лицензии на управление и условная нейтрализация на определённый срок, а если лихач становился виновным в гибели других, то срок значительно увеличивался. Поэтому такие ухари делали всё возможное, чтобы скрыться от инспекторов, а кое-кто мог даже устроить пальбу из личных ручных излучателей. Вот по таким лихачам инспекторам вменялось в обязанность без промедления открывать огонь на поражение.

Офицер в который уже раз глянул вниз, сознавая тщетность попыток разглядеть самое дно, где обитали наиболее бедные граждане Сообщества. Иногда случалось, что энергетические ловители по какой-то причине не срабатывали и повреждённые флаеры и куски от них с грохотом падали на улицы, вспахивая покрытие, разрушая иные непрочные сооружения. Иногда при этом гибли люди, но статистику таких происшествий никто не вёл: судьбы этих бедняков мало кого интересовали.

Ритан по долгу службы иногда бывал на улицах Сант-Тирритта, являвшегося столицей Сообщества. Они производили удручающее впечатление – тёмные, с сырой затхлостью, заваленные бытовым мусором, разбившимися флаерами и их обломками.

Фундаменты громадных небоскрёбов подавляли монументальностью и обступали со всех сторон маленьких серых равнодушных ко всему людей, бредущих куда-то по своим делам.

Облаков и неба оттуда не видно совсем, лишь возносящиеся стены уходят в серую дымку, растворяясь в ней.

Уровень преступности внизу зашкаливал, уличные банды порой устраивали настоящие сражения, ничуть не опасаясь служителей правопорядка, не особо рьяно исполнявших обязанности, так как их личную безопасность никто не гарантировал. Лишь единицы благодаря бесстрашию и бескомпромиссности пользовались авторитетом у бандитов. Но они не могли повлиять на махровый криминал улиц.

Сразу за городом, охватывая его по всему периметру, начиналась многокилометровая, источающая смрад свалка. Там хозяйничали бездомные, объединённые в свои банды, бесчинствующие на подконтрольных им территориях огромной мусорки.

За свалкой природа ещё продолжала удерживать слабые позиции, давно проиграв человеку сражение, а победитель неизбежно в скором времени должен был погибнуть сам.

При посадке в такси Ритан ввёл в приёмник автопилота код персонального чипа, что позволило флаеру выйти почти на самый верхний ярус движения, предназначенный для служащих, занимающих в своих учреждениях руководящие посты. В результате с его счёта списалась тысяча ассигнаций, сумма значительная. Для личных целей Ритан не смог бы позволить себе роскошь перемещения в этом ярусе, но в данном случае офицера это не беспокоило, так как расходы на служебные перемещения контрактом предусматривались и

исправно компенсировались руководством.

Это уже ярус для вип-персон. К ним относились руководители различных Управлений, министры, депутаты Главного Собрания и сенаторы Высочайшего Совета Сообщества.

Также доступ на этот уровень имели лица, особо приближённые к вип-персонам: родственники, мужья, жёны, отпрыски. Они тоже, благодаря своему статусу, занимали не самые последние должности в различных ведомствах. Впрочем, среди этих в прямом смысле слова небожителей имелось достаточно праздных бездельников, наслаждающихся богатством и проводящих время в веселье и кутежах.

Красные флаеры инспекторов были редкими гостями на том уровне. Особо регулировать там нечего. Все строения, перегруженные перекрёстки, верхние и нижние ярусы, соседние боковые ряды, – всё находилось гораздо ниже, под сплошными облаками. И только иногда погода позволяла рассматривать окрестности, насколько хватит глаз.

На ярусе вип-персон – захватывающий дух простор, бескрайнее синее небо с ослепительным солнцем. До стратосферы всего несколько километров. Но туда нельзя даже вип-персонам, хоть у многих типы флаеров позволяют подняться на такую высоту.

Там коридоры пассажирских и транспортных гражданских лайнеров, малых и средних крейсеров, охраняющих границы Сообщества. По этим коридорам крейсера при необходимости уходят к Луне, к главному космопорту Сооб-

щества. Там же поблизости шахтёрские посёлки, иные строения и службы, прикрытые энергощитом от космического излучения и метеоритов.

С Луны можно попасть на орбиту любой планеты Солнечной системы и их спутников. Больше всего рейсов на Марс, в тамошнюю колонию. На орбитах остальных планет – специализированные службы, геологи, базы военных.

От Луны до границы Солнечной системы обычный транспортник идёт три земных месяца. Тяжёлый крейсер – ориентировочно месяц. Дальше рейсов нет, туда изредка уходят автоматические зонды, исследующие пространство.

В народе давно мусолили досужие разговоры о скором строительстве большой космической базы, а потом следующей и следующей. Неуёмная энергия человека, жажда познаний и наживы испокон веку двигают прогрессом.

Там же на Луне, в тысяче с небольшим километров от космопорта Сообщества находится космопорт и поселения Коалиции.

После третьей мировой войны, случившейся в середине двадцать первого века, государства планеты уже более ста пятидесяти лет были поделены на две огромные конфедерации – Сообщество и Коалицию.

Пошла к одиннадцати утра вызвал Директор Управления Рон Саарр.

Такси пришвартовалось к посадочному терминалу. Выйдя

на площадку терминала, офицер пересёк его, у бронированного створа приблизил к сканеру персональный чип. После короткой процедуры идентификации внешний бронированный створ с натужным гудением отъехал в сторону и Ритан вошёл в шлюз. После сканирования сетчатки глаза у внутреннего створа майор ступил в широкий и кажущийся бесконечным коридор Управления Департамента Полиции Времени.

Всё ему здесь было привычно: довольно аскетичная обстановка, ничего лишнего, мягкое освещение, льющееся с высокого потолка; белые панели стен; овальные створки разъезжающихся в стороны дверей, ведущие в просторные помещения либо в скоростные лифты.

Посреди коридора параллельно навстречу друг другу двигались две полосы дорожки со специальными поручнями для удобства. В начале и конце коридора дорожка по дуге меняла направление и двигалась в обратную сторону.

На дорожке стояли люди. Вдоль неё из помещения в помещение сновали другие сотрудники в униформе Управления – у мужчин чёрные брюки, у женщин кроме брюк допускалась чёрная чуть выше колен юбка. У всех кремовые рубашки, в зависимости от сезона с коротким либо длинным рукавом. На левом плече шеврон в виде ромба, где по чёрному полю золотым тиснением красовалась общая эмблема для всего Департамента Полиции Времени – круг, пронзённый стрелой. Круг символизировал бесконечность Времени,

а стрела означала, что сквозь Время можно пройти.

Под шевроном располагались горизонтально укреплённые прямоугольники с тем же золотым тиснением. Один – Первый, самый высокий Класс перемещений, два прямоугольника – Второй Класс, три прямоугольника – соответственно Третий. Классность присваивалась по выслуге лет и количеству, а также сложности перемещений.

Сложность состояла в том, что сотрудники зачастую оказывались в таких Временных плоскостях, где их безопасность не мог гарантировать никто. Всё зависело только от опытности, способностей и личных волевых качеств сотрудника. Первый класс, как правило, получали лет через двадцать после начала службы, планомерно двигаясь по служебной лестнице.

Ритан служил в Департаменте десять лет.

За девять лет он дошёл до Первого Класса благодаря своим способностям. Подобное случалось не часто, поэтому такие сотрудники были на особом положении и имели статус.

Уже год он носил один прямоугольник, до этого четыре года – два, и пять лет – три прямоугольника. Но прежде была учёба в академии, которую он закончил с твёрдым четвёртым баллом, не дотянув до высшего пятого совсем чуть-чуть. Среди выпускников это считалось очень хорошим результатом, дающим привилегию самостоятельного выбора места службы.

Поолл происходил из граждан, населяющих средний уро-

вень, ему светила неплохая карьера специалиста среднего звена, а это стабильный доход, уверенное будущее и безбедная обеспеченная старость. Он выбрал Департамент Полиции Времени, за девять лет дошёл до Первого Класса и был переведён в Управление.

Этот же путь в своё время прошёл Директор Управления Рон Саарр. Однако он происходил из граждан, населявших высшие уровни в городах Сообщества, и от рождения принадлежал к вип-персонам. Благодаря статусу, он мог вообще не работать ни одного дня своей жизни, но избрал иной путь и дослужился до Директора.

Ритану, как выходцу из среднего уровня, такое высокое положение никогда не занять, он это чётко сознавал. Нынешняя должность для него была «потолком», это его вполне устраивало, он обоснованно гордился своими успехами.

Каждому гражданину Сообщества Конституция гарантировала равные права и возможности, но в реальности всё обстояло не так: всякий получал от жизни «по роду своему». Головокружительных взлётов через уровень происхождения подданные Сообщества не знали.

Зато прямо противоположное происходило регулярно. Нарушения правил пребывания во Временных плоскостях были обычным делом. Перемещаться во Времени за определённую плату в составе экскурсионных групп под присмотром экскурсоводов и штатных сотрудников Департамента Полиции Времени не возбранялось никому. Другое дело, что

не все этим пользовались. У кого-то элементарно не хватало ассигнаций, кому-то это было просто не интересно, а кто-то придерживался догм религии, осуждавшей подобное деяние. И если у провинившегося не хватало ассигнаций и связей «замять» дело, он подвергался условной, а то и безусловной нейтрализации. А сотрудники Департамента делали всё возможное, чтобы не допустить существенного изменения Хода Истории.

Поначалу, когда только была получена возможность перемещаться во Времени, открытие полностью контролировали военные. Продолжалось это несколько десятилетий, пока под давлением общественности и лоббированием интересов крупного бизнеса в законы не внесли послабления, что сразу же значительно пополнило государственный бюджет, ибо поначалу ажиотаж среди граждан был колоссальный. Это прибавило головной боли властям, пришлось создать Департамент Полиции Времени, была проделана большая законотворческая работа.

Позже наступило насыщение и некоторое успокоение, люди стали как данность воспринимать возможность перемещения во Времени.

Согласно сделанному учёными открытию, временные величины в целом являлись неизменными с незначительной плавающей погрешностью на одну-две минуты вперёд или назад. Но, как известно, в ситуации, когда всё решают мгновения, одна-две минуты – это неизмеримо много. Можно

столько успеть!

Но была и другая проблема. При срочной заброске специалиста во Временную плоскость для исправления ситуации, эта погрешность порой очень мешала, и специалист мог погибнуть, оказавшись в желаемом месте позже намеченного срока на одну-две минуты.

И ещё определяющим являлось то, что перемещаться можно было только в прошлое до определённой Временной плоскости – Всемирного Потопа. Дальше будто бы стояла непреодолимая стена. То же самое было и с будущим. Ни на час вперёд переместиться не удавалось. Учёные по этому поводу шутили, дескать, в свою плоскость Атланты не пускают, а в будущее мы сами не даём себе попасть, чтобы не увидеть собственную старость и не узнать, каким способом придётся умереть.

Были и другие табу, установленные в процессе развития этой области науки. Например, запрет на контакт с самим собой. По неизвестной причине подобное приводило к гибели обоих, а по сути одного человека. Это очень быстро поняли, столкнувшись с фактом смертей первых контактёров, пытавшихся научить уму-разуму самих себя в молодости и уберечь от каких-либо предстоящих ошибок.

И всё же народ умудрялся хитрить и любыми способами стремился донести нужную информацию самим себе, ещё молодым и не знающим, как сложится жизнь в дальнейшем. А кто-то, не мудрствуя лукаво, просто советовал купить или

продать акции, зачеркнуть нужные номера в лотерейном билете, и тому подобное.

За недопущением таких ситуаций строго следили сотрудники Департамента Полиции Времени.

Также запретили совмещение Временных плоскостей, то есть сближение эпохи настоящего с прошлым, когда учёные, не выходя из помещения, могли оказаться в интересующем их Временнóм отрезке. Опасность подобных совмещений поняли быстро, как только произошло подряд несколько чрезвычайных событий.

В первый раз в зал ворвалась группа английских солдат времён Первой мировой войны двадцатого века, с винтовками наперевес с примкнутыми штыками. Они шли в атаку. Прокопченные пыльные грязные злые люди, хрипло крича, в горячке даже не поняли, где оказались, и перебили штыками и прикладами всех в зале, а потом заняли оборону, укрываясь за оборудованием, всё ещё не понимая, где они.

Когда пыл атаки улёгся, они стали перебрасываться короткими репликами, чтобы убедиться, все ли видят именно то, что видит каждый. Наиболее смелые начали покидать укрытия, держа наготове винтовки и бдительно озираясь по сторонам. Сообразив, что перебитые люди не являются их врагами, солдаты принялись проверять, есть ли среди них живые. Выживший был только один. Зажимая окровавленными руками колотую рану на животе, он со страхом глядел на приближающихся двух солдат. Один из подошедших со-

рванным голосом прохрипел:

– Какого чёрта, приятель?! Что это всё значит?! Где мы?!

Остальные шестеро, оцетинившись винтовками, зорко контролировали каждый закоулок зала, готовые моментально уничтожить любого. Учёный худо-бедно понимал английский того времени, но говорить из-за ранения не мог, поэтому знаками показал, что ему нужно добраться до пульта. Не веря ему ни секунды, солдаты всё же помогли раненному.

Затем учёный, как мог, показал, что все бойцы должны отойти в противоположный конец зала. Держа его на прицелах винтовок, англичане начали медленно отступать в указанную сторону. Как только они вошли в зону излучения Кристалла, учёный ввёл команду на пульт и в зал снова ворвался грохот боя, солдаты увидели привычное испаханное взрывами поле и бегущих на них в атаку немцев.

Командир отчаянно прохрипел команду и бойцы с обречёнными лицами приготовились встретить смерть.

Учёный завершил операцию и, потеряв сознание, упал на пол.

Позже изобрели прибор, названный слуховым адаптером. Он представлял собой довольно громоздкую штуку и крепился в виде обруча на голове. По понятным причинам это было неудобно, так как во Временных плоскостях на него сразу обращали внимание, поэтому приходилось его всячески камуфлировать.

Со временем прибор постепенно трансформировался в

небольшую клипсу, крепившуюся на мочке уха. Но и это было неудобно, потому что носитель прибора понимал, что ему говорят, а ответить не мог.

Когда Ритан Поолл был ещё маленьким, учёные совершили настоящий прорыв, изобретя микрочип. Его посредством безболезненной процедуры вживляли в нёбо носителю и он понимал и говорил на тех языках, на которых к нему обращались.

Прибор называли языковым адаптером, он в обязательном порядке на постоянной основе вживлялся всем служащим и специалистам, имеющим отношение к перемещениям во Временных плоскостях.

Остальным адаптер не полагался, так как вступать в контакт с обитателями Временной плоскости им под страхом нейтрализации запрещалось. За соблюдением этого запрета строго следили экскурсоводы и штатные сотрудники Департамента Полиции Времени, находящиеся в каждой такой группе.

После трагедии с английскими солдатами и погибшими учёными было много споров о целесообразности совмещения Временных плоскостей. Это продолжалось до тех пор, пока в другой раз в зал не ворвался разъярённый индийский слон. Громко трубя, он крушил своей мощью всё окружающее, а испуганный погонщик, вцепившись в толстую шкуру животного, изо всех сил пытался удержаться. Учёные забились, кто куда смог, используя любую неровность, молясь

только об одном: чтобы эта неровность не оказалась их последним прибежищем. Слона и погонщика с трудом удалось отправить назад, а учёные мужи ещё долго переводили дух и нервно хохотали, вспоминая, кто, как и куда убежал.

Это происшествие добавило баллов сторонникам запрета совмещений. После случилось ещё несколько незначительных инцидентов, тогда и был принят закон, запрещающий подобное.

Время ещё позволяло и Ритан решил пройтись до приёмной Директора, размышляя о цели вызова, по пути обмениваясь приветствиями с сотрудниками. Младшие по должности и званию отдавали честь – чётко прикладывали правую руку к левому плечу. Им Поолл кивал, а старшим сам отдавал установленное приветствие.

Как специалист первого класса перемещений, у Директора он бывал регулярно, но никогда не знал причину вызова. Секретарь Элл Ламматт – стройная миловидная девушка, видимо, имела чёткие инструкции от шефа, поэтому никому и никогда не сообщала цели вызова. А может, она этого просто не знала. Во всяком случае, первое время Ритан пытался выяснять у неё причину вызовов, так как подобную информацию получить у электронного секретаря считалось в порядке вещей. Но девушка всегда загадочно молчала, мило улыбаясь. И было не ясно, то ли она сохраняет тайну, то ли в самом деле ничего не знает.

Назначение человека на должность секретаря являлось причудой Директора. Он подглядел это в какой-то Временной плоскости и сразу же ввёл в штатное расписание эту крепко подзабытую профессию.

Девушка работой очень гордилась, так как прошла многоуровневый отбор, и её должность была своего рода визитной карточкой Управления.

Директора других департаментов и служб предпочитали электронных секретарей и лишь пожимали плечами, потихоньку хмыкая, удивляясь причудам старика.

Впрочем, Рон Саарр пользовался и электронным помощником, так как Элл просто физически не могла обрабатывать, сортировать и классифицировать весь поток информации, стекающийся на голографический экран служебного персоника шефа.

Основной её обязанностью была готовка чая или кофе. Их Директору неизменно доставляли сотрудники. В рознице они стоили недёшево, позволить себе мог не каждый. Но во Временных плоскостях это обходилось в разы дешевле, а иной раз и вовсе даром, поэтому сотрудники пользовались возможностью для себя и знакомых, а также прихватывали какой-нибудь хороший сорт для шефа.

Глянув на наручный персоник, Ритан перешагнул на движущуюся дорожку. К кабинету Директора он успел за пару минут до начала совещания. В большой приёмной собра-

лись все офицеры Управления, имеющие чин специалиста первого класса перемещений. Таковых насчитывалось сорок пять человек, все обладали большим опытом и выдающимися личными волевыми качествами.

Гоняясь по Временным плоскостям за нарушителями, намеренно отбившимися от экскурсионных групп, они попадали в различные ситуации, в том числе и такие, когда непосредственно их жизни угрожала смертельная опасность.

Например, полковник Реерр, будучи ещё капитаном, преследовал злостного нарушителя, обладавшего большой физической силой и агрессивным характером. Тот был не прочь поучаствовать в каком-нибудь сражении, где мог вволю применить присущие ему качества. При этом служить по контракту в современной армии не желал. После двух условных нейтрализаций общим сроком в семь лет, он так и не успокоился.

В последний раз Реерр сумел обнаружить беглеца в 216 до н. э., в войске консула Теренция Варрона. Консул задумал дать карфагенянам решительную битву при Каннах и потерпел страшное поражение³.

Реерр, лучше нарушителя знавший историю и результат сражения, настоятельно предлагал тому до начала битвы покинуть войско и вернуться домой. Но парень упёрся и сказал, что готов на третью нейтрализацию, но не раньше, чем убьёт пару-другую античных бойцов.

³ Вторая Пуническая война между Римом и Карфагеном (218–201 до н. э.).

Нарушитель погиб в сражении, а Реерр, чудом уцелевший в той резне, попал в рабство и в течение двух лет, пока его искали коллеги из Департамента, испытывал немалые лишения.

А вот майор Тиинн, красавец, любимец женщин и обходительный ухажёр, однажды, разыскивая экзальтированную дамочку, мечтавшую о пышных балах при дворе французского короля Людовика XIV, подвергся нападению каких-то наёмных убийц, видимо принявших его за другого. А может, это были обычные проходимцы, решившие поживиться за счёт богато одетого дворянина. В скоротечной схватке на шпагах в тёмном закоулке ночного Парижа, майор ранил всех четверых, с честью выйдя из критической ситуации.

Тиинн и сам оказался ранен дважды, к счастью, не опасно, и укрылся в доме хорошенькой горожанки, привлечённой к окну звоном шпаг. Залечив раны, майор, представившийся девушке виконтом де Лафонтеном, покинул гостеприимный дом. В знак признательности на прощание новоиспечённый виконт подарил хозяйке перстень с крупным бриллиантом, за который потом составил кучу рапортов, объясняя потерю казённого имущества. А парижанка наверняка ещё долго вздыхала, вспоминая блестящего дворянина. К слову, экзальтированную особу Тиинн обнаружил и депортировал домой, где её приговорили к условной нейтрализации на один год.

Сам Поолл мог вспомнить немало случаев за десять лет

службы в Департаменте. Однажды, ещё в самом начале карьеры он без малого шесть месяцев гонялся за нарушителем, мечтавшим найти пиратский клад. В роли лейтенанта английского королевского флота Поолл бороздил морские просторы Вест-Индии, участвовал не в одной стычке с испанцами, дважды ходил на абордаж, тонул в морской пучине, и вышел, что называется, сухим из воды, дослужившись до звания майора и нынешней должности.

А того незадачливого пирата повесили на рее. При нём обнаружили горсть золотых монет. Это всё, что он сумел раздобыть, окунувшись в романтику пиратских приключений. Ритан не мог ему помочь, так как в те времена перемещения происходили в заданной точке, что, безусловно, создавало массу проблем, а иной раз приводило к гибели или пропаже без вести сотрудников Департамента.

Точка перемещения Ритана находилась на Тортуге⁴ на расстоянии пятидесяти морских миль от корабля, на котором повесили пойманных пиратов. Всё, что оставалось Пооллу – это смотреть, как флибустьеров⁵ одного за другим под барабанную дробь вздёрули на рее и в таком состоянии доставили на Тортугу в назидание другим, чтобы те не ду-

⁴ Тортуга – скалистый остров в [Карибском море](#) к северо-востоку от [Наветренного пролива](#). Остров отделён узким [проливом](#) шириной около восьми километров (четыре морские мили) от северо-западного берега острова [Гаити](#) (бывшая Эспаньола). Площадь острова 180 кв. км.

⁵ Флибустьеры – морские разбойники, грабившие в семнадцатом веке главным образом испанские суда и испанские колонии в Америке.

мали нападать на суда английского королевского флота. Грабить и убивать испанцев – это пожалуйста, на это закрывали глаза.

Лишь недавно учёные сделали новое открытие, и перемещения стали возможны при помощи малых Кристаллов вмонтированных в персональные браслеты каждого сотрудника Департамента Полиции. Они позволяли заходить в нужную Временную плоскость и выходить из неё в любом месте, при помощи специального нажатия на браслет. В результате делался запрос на большой Кристалл и происходило перемещение. Это очень упростило работу и позволило сотрудникам спешно покидать места, где им грозила опасность.

Специалисты успевшие поработать во Временных плоскостях до изобретения браслетов, свысока поглядывали на новичков, не испытавших «прелестей» затраты немалых усилий, чтобы добраться до точки перемещения.

Точно также на них самих, тогда ещё молодых и зелёных, поглядывали бывалые офицеры, учившие необходимый минимум из языка, на котором предстояло общаться при заброске. А эта молодежь сразу при поступлении на службу получала языковой адаптер. И никаких тебе проблем и бессонных ночей с монотонным зазубриванием непонятных слов.

В приёмной Директора Поолл был равным среди равных, он обменивался кивками с близстоящими и вслушивался

в разговоры, пытаясь уловить общее настроение и, может быть, узнать цель предстоящего совещания.

Овальные створки двери отъехали в сторону.

– Прошу, господа, – сказала Эл Ламмат хорошо поставленным голосом и мило улыбнулась.

Пришедшие потянулись в не менее обширный, чем приёмная, кабинет Директора с прозрачным потолком и такими же стенами. Облака, до которых, казалось, рукой подать, медленно и величаво плыли вверху, клубясь и меняя форму.

При солнечной погоде потолок и стены автоматически затемнялись, создавая комфортную обстановку.

Сквозь прозрачные стены виднелся частокол небоскрёбов. Между зданиями мельтешил рой флаеров. Особо выделялся устремлённый вверх белой громадой с полупрозрачным куполом на вершине небоскрёб Главного Собрания и Высочайшего Совета Сообщества. В куполе, поделённом надвое, проводились заседания Собрания и Совета. Под ним располагался жилой уровень вип-персон: директоров департаментов и служб, выборных граждан Главного Собрания, Высочайшего Совета Сообщества и их родственников, имеющих соответствующий статус.

Никто из присутствующих, кроме Директора, живущего там, никогда не был в «Луче», как называли его. Он изначально возводился таким образом, что жилой уровень занимал лишь одну, верхнюю треть здания. Селиться ниже никто из вип-персон не мог себе позволить, а доступ простым

гражданам в «Луч» был заказан. Поэтому все нижние ярусы отводились под технические нужды.

Ритан бросил взгляд вверх и улыбнулся. Панорама была восхитительной и создавала ощущение полёта. Довольно часто в разрывах облаков и под ними мелькали флаеры вип-персон. С уровня, где он жил, виднелся лишь кусочек неба, остальное закрывали стены громадных небоскрёбов.

Вспоминая не самый лучший вид из своего окна, Ритан вздохнул, занимая место в кресле, сразу же подстроившееся под тело. Расположение кресла в кабинете никакого статусного значения не имело, так как перед ним активировался голографический экран, отчего создавалось ощущение, что Директор общается непосредственно с каждым.

У самого Директора постоянно в активном режиме работал большой голографический экран, куда электронный секретарь выводил наиболее важное, сопровождая необходимыми комментариями. Сейчас секретарь поделил экран на две части. По левой стороне в режиме нон-стоп продолжала поступать информация, правую сторону в режиме активных окон заняли изображения всех сорока пяти офицеров.

– Доброе утро, господа, – поприветствовала с экранов голова Директора. – Начнём. Тема сегодняшнего совещания – резкое увеличение случаев несанкционированного доступа во Временные плоскости с неожиданно появившегося незарегистрированного Кристалла Времени.

Монолог Директора был по-деловому краток и сух.

Далее электронный секретарь вывел на экраны статистику таких случаев и их раскрываемость равнявшуюся нулю.

Выражения лиц офицеров были удрученными, так как это касалось лично каждого, давало оценку работе возглавляемых ими отделов. Все догадывались, с чем связана столь мощная активизация криминальных структур, но даже мысленно боялись допустить возможность наступления этих событий. Слишком уж давно не случалось такого.

Следом секретарь вывел на экран каждого офицера очередные цели, задачи, сроки исполнения и метод отчёта. И сообщил, что продублирует информацию на служебный персоник каждого под грифом «Секретно».

Лишь на экране майора Поолла повторяясь, продолжали ползти строки статистики. Из этого майор сделал вывод: его ждёт персональное поручение шефа.

Офицер не ошибся. Совещание закончилось через полчаса, Директор попрощался со всеми разом и добавил:

– Господин Поолл, задержитесь.

Дождавшись, когда кабинет опустеет, Ритан покинул кресло и направился к шефу, слегка сделав акцент на строевом шаге. Босс не любил показухи, но и идти вразвалку к начальнику – затея не из лучших.

Подойдя на три шага к вставшему с кресла Директору, майор чётким движением приложил правую руку к левому плечу, также чётко вернул руку в исходное положение и замер по стойке «смирно».

– Вольно, майор, – сухо улыбнулся Директор.

Он направился к восточной стене, жестом предложив Ригтану следовать рядом. Наблюдавшая за ними со стороны Элл Ламматт невольно отметила хорошую физическую форму обоих мужчин. Только старший был более кряжист и несколько скован, видимо, сказывался возраст. Молодой же строен, с хорошей осанкой человека всю жизнь носящего форму. Развитая мускулатура свидетельствовала о склонности к спорту. Двигался он легко и свободно, но наметанный глаз секретаря сразу отметил, что кажущаяся лёгкость и плавность может мгновенно превратиться в жёсткий комок беспощадно разящих мышц.

Остановившись у стены, Директор посмотрел в разверзшуюся перед ним пропасть с серой дымкой далеко внизу. Похоже, увиденное его не обрадовало или было связано с какими-то размышлениями, поэтому шеф поморщился и перевёл взгляд на полупрозрачный шар «Луча». Этот небоскрёб находился в самом центре Саант-Тирритта, от него многочисленными радиальными линиями расходились главные, наиболее широкие проспекты и улицы поуже. Их пересекали магистрали, идущие по кругу мегаполиса. Весь город делился на четыре района по частям света – Северный, Южный, Западный и Восточный районы. Их ещё называли – сеть улиц.

Продолжая смотреть вдаль, Саарр произнёс:

– Как вы поняли из доклада, майор, произошёл несанк-

ционированный доступ во Временные плоскости с незарегистрированного Кристалла Времени. Он находится где-то внизу. Согласно оперативной информации, некие криминальные структуры начали активную, запрещённую законом переброску из различных Временных плоскостей их обитателей. Вероятно, для последующей незаконной нейтрализации и перепродажи через подставные фирмы в войсковые подразделения безусловно нейтрализованных по решению суда.

Поолл мысленно присвистнул: «Ого!»

– Надвигается очередная война, майор, большая война, какой не было уже более шестидесяти с лет, – мрачно продолжал Директор.

Его взгляд застыл на шаре «Луча».

– Локальные конфликты не в счёт. Мирному укладу и всему, что нам так привычно, наступает конец. Как вы помните, последняя война из-за Кристалла Времени длилась четыре года и закончилась в две тысячи сто пятьдесят четвёртом году только потому, что в Коалиции сумели вырастить свой Кристалл. Как им это удалось, до сих пор не ясно. То ли у нас технологию украли, то ли сами додумались. За девяносто лет до этого, в две тысячи шестьдесят четвёртом году были образованы два политических лагеря – Сообщество и Коалиция, объединившие существовавшие на тот момент государства планеты, вышедшие из восьмилетней Третьей мировой войны.

Только Богу известно, как противники умудрились одними крылатыми ракетами нейтрализовать практически все стратегические пусковые установки друг друга. Просто невероятно, но это исторический факт, о котором вы слышаны не хуже меня.

Кто знает, как бы всё сложилось в последней войне между Коалицией и Сообществом, будь у враждующих сторон ядерное оружие. Хорошо, что тогда ещё не было современных больших крейсеров, стоящих нынче на вооружении. Ведь они своими пушками могут принести планете не меньшую беду и разрушения, чем ядерное оружие.

Вам известно, что по международному Соглашению ни Коалиция, ни Сообщество не имеют права посещать Временную плоскость периодом с две тысячи десятого года по наше время, дабы не влиять на ход событий послуживших становлению нынешнего политического равновесия. За этим призваны следить полномочные наблюдатели от обеих сторон. Но, похоже, парням из верхнего яруса «Луча» не живётся спокойно, кому-то из них нужна война, они мечтают подзаработать на этом. А криминал, не имеющий национальности, обзавёлся собственным Кристаллом и плевал на все соглашения. И знаете что, майор, я не удивлюсь, если власть и криминал играют одними и теми же фигурами.

Ритан вежливо слушал шефа. Он не хуже Директора знал историю, но перебивать по понятным причинам не собирался. Однако последние слова хозяина кабинета насторожили

Поолла.

Директор полностью развернулся к собеседнику.

– Слушайте задачу, майор. Вам надлежит самостоятельно разработать легенду и проникнуть в центр этой криминальной структуры. Цель – выявление местонахождения Кристалла и его последующий захват с привлечением сил спецназа Департамента.

Также в первоочередную задачу входит выяснение способа появления у преступников технологии. Необходимо установление личностей передавших её криминалитету. Одним человеком здесь не обошлось, слишком сложная многоуровневая форма доступа. Я даже не могу представить, каким образом криминал мог повлиять на столько людей сразу. Это вам предстоит выяснить.

Появившийся непонятно откуда Кристалл Времени позволяет криминалу незаконно снабжать армию пушечным мясом, серьёзно набивая ассигнациями карманы. Но не это главное. Нас ждёт настоящий хаос, почище любой войны. Никто не знает, каким станет будущее через минуту в результате глобального изменения Хода Истории по прихоти какого-нибудь недоумка или новоявленного диктатора, из-за которого сто пятьдесят восемь лет назад разразилась Третья мировая война.

Сейчас задача обнаружения Кристалла и его захват является приоритетной для всего Департамента, все силы будут брошены на это, но вам и ещё нескольким сотрудникам

предстоит работать, как когда-то говорили профессиональные разведчики – «на холоде».

Саарр помолчал и пристально глядя, спросил:

– Вопросы?

– Есть, господин Директор.

Саарр кивнул.

– С чего бы нашим политикам начинать войну, зачем?

– Я отвечу на ваш вопрос, майор. Эта информация относится к разряду государственной тайны, но ваше задание позволяет иметь к ней доступ. Однако знайте, у этого кабинета есть уши там, – Саарр с сарказмом кивнул в сторону купола «Луча», – они в курсе, что мне это давно известно. Такая вот игра в поддавки. И всё же эти ребята не так просты и не остановятся ни перед чем в случае необходимости. Вы всё ещё хотите знать ответ?

– Да, господин Директор, – не колеблясь, сказал Поолл.

– Что ж, иного я не ждал: мало кто откажет себе в удовольствии узнать нечто, о чём остальные и понятия не имеют. Но с этой минуты за вашу жизнь я не дам и мятой ассигнации. Так тоже когда-то говорили, желая подчеркнуть особые обстоятельства. Вы наверняка слышали это изречение.

– Так точно. Слышал, – ответил Ритан.

Саарр кивнул и продолжил:

– На Плутоне геологи нашли вещество, при использовании которого двигатели крейсеров после соответствующей модификации под него смогут развивать скорость близкую

к световой.

У майора против воли отвалилась челюсть.

«До Альфа Центавра можно долететь всего за четыре года, а до Плутона – не более пяти часов! – ошеломлённо подумал он. – Хотя, вряд ли, нужны коридоры, но это решаемо...»

Саарр меж тем продолжал:

– Сообщество подало заявку в Главный Совет Международного Патентного Бюро на регистрацию месторождения за собой.

Похоже, в Коалиции ещё не знают, что именно нашли наши, но какая-то информация у них уже есть. Шпионы не зря свой хлеб едят. Поэтому заявку оспорили, мотивировав тем, что первыми запустили автоматический зонд к орбите Плутона. Следовательно, Сообщество перед подачей заявки должно было провести консультации с ними.

Наши сослались на поправку к закону. Согласно ей, правообладателем становится та сторона, чьи представители первыми ступили на поверхность планеты. Таковыми были ребята из Восьмой космической экспедиции Сообщества.

Коалиция предъявила голограмму, где неизвестный субъект со знаками различия её объединённых войск якобы за два дня до наших парней уже побывал на Плутоне, а прибыл он туда для замены батарей на автоматическом зонде.

Наши потребовали проведения независимой экспертизы голограммы. В общем, каша заваривается серьёзная и не похоже, что стороны придут к мирному соглашению по реше-

нию проблемы. Туда уже выдвинулись наш Второй Космический флот и Четвёртый флот Коалиции.

– Разрешите ещё вопрос, господин Директор?

Саарр кивнул.

– Война нужна для отвлечения внимания Коалиции от этого месторождения? А кто-то из «Луча», возможно, контролирует незаконный Кристалл и его применение?

– Вы всё схватываете на лету, майор.

– Но ведь это ужасно! Погибнут люди! Это преступление! – воскликнул Ритан, не сдержавшись.

– Я не думаю, что вы так наивны и не понимаете, что делать большую политику в чистых перчатках невозможно, – сухо усмехнулся Саарр.

– Простите, господин Директор, – сконфузился Ритан.

– Да, майор, нередко приходится жертвовать многим ради более важного. Вижу вопрос в ваших глазах и понимаю его. Вы спрашиваете, что может быть важнее мира и жизни людей. Я отвечу. Ничего. Но вся история человечества движется от войны к войне. Люди ни одного дня не жили в мире. Если где-то был мир, то в другом месте на планете обязательно шла война. И как это ни парадоксально, войны двигали прогресс. Даже третья мировая создала предпосылки для нынешнего положения вещей.

Действительно, предполагается, что предстоящая война отвлечёт внимание Коалиции от месторождения. Пока льётся кровь, учёные будут ломать мозги, модифицируя движи-

тели крейсеров под обнаруженное вещество.

– Можете считать меня непроходимым тупицей, господин Директор, но почему всё это нельзя делать в условиях мира? Зачем воевать, в чём секретность, ведь рано или поздно это станет достоянием общественности? Точно так же, как война за Кристалл. Коалиция всё равно вырастила свой или украла технологию у нас. Но в той войне погибли миллионы! За что?!

Саарр глядел на подчинённого, словно удав на кролика.

– У вас всё? – спросил он.

– Виноват, господин Директор, – Ритан вытянулся по стойке «смирно».

– Теперь слушайте дальше. Эту шахту построили не люди. Перед тем, как подать заявку, наши поставили там большой крейсер. Автоматический зонд Коалиции это зафиксировал.

Парни из Коалиции занервничали, справедливо решив, что на пустом месте крейсер никто ставить не будет. Поэтому на всякий случай нашу заявку оспорили и попытались выяснить, что это за шахта, но получили отпор в виде предупредительного залпа.

Просто так в Коалиции это не оставят. Поэтому необходимо отвлечь тамошних парней из властных структур новой войной. Так удастся на какое-то время сохранить тайну происхождения шахты и её содержимого. Но и это ещё не всё.

Разработка вещества уже велась, однако шахта похожа на заброшенную. Нельзя исключать, что хозяева появятся сно-

ва. Какова будет встреча, не берётся предсказывать никто. Если конструктивной, преимущество первых вступивших в Контакт будет просто ошеломительным. Если деструктивной, последствия наверняка окажутся ужасными для всех землян. Мы не знаем возможностей этой цивилизации и не знаем, как они отнесутся к нашему присутствию в зоне их интересов. Вот поэтому нам нужны крейсера, способные перемещаться с той же быстротой, что и летательные аппараты неизвестных инопланетян.

– Но у них может быть оружие мощнее нашего!

– Всё верно, майор. Вы опять стали способны мыслить логически. Как я уже говорил, война движет прогресс, в данном случае – разработку и применение новых технологий и оружия. Они нужны человечеству от возможной агрессии извне.

«Вот это новости так новости! Сразу столько важного! – потрясённо думал Ритан. – Война... Будет война. Бедная Эсс, моя девочка, что нас ждёт?.. Неужели человечество всё-таки обнаружило вещественное доказательство инопланетного разума? Это просто потрясающе! Но неизбежная война всё омрачает. Почему так сложно устроена жизнь?»

Директор прервал его размышления:

– Что касается возложенной на вас миссии. Считаю вашу кандидатуру и ещё ряда сотрудников наиболее подходящими для выполнения задания. Уверен, вам всем это по плечу. Каждый будет работать независимо от других. На разработку

легенды и подготовку даю трое суток. Больше нельзя, слишком серьёзная ситуация с этим Кристаллом. Чтобы быстрее и легче думалось, можете на это время куда-нибудь слетать, отдохнуть. Удачи, майор.

Поолл отсалютовал и по-уставному ответил:

– Да здравствует Сообщество!

Директор отсалютовал в ответном приветствии и повторил:

– Да здравствует Сообщество!

Развернувшись через левое плечо, майор быстрым шагом покинул кабинет.

Глава III

Трущобы

Сит Куулл всю свою небольшую жизнь провёл на улицах города. Он никогда не видел настоящего солнца и неба, потому что никогда не был выше энергетических уловителей, не говоря уже о среднем ярусе и тем более о ярусе для VIP-персон. Он знал о той жизни из просмотра голограмм. Таким, как Сит, с рождения и до смерти суждено прожить в трущобах.

Можно, конечно, пойти в уличные полицейские и тогда есть шанс подняться выше пояса уловителей и своими глазами увидеть, как живут люди на уровне, откуда видно небо с солнцем. Но если идти в полицию, как потом смотреть в глаза родственникам и многочисленным соседям? Они проклянут его самого и родителей, давших жизнь такому ублюдку.

Можно записаться в вооружённые силы Сообщества и получить внушительную денежную компенсацию, на которую мать с отцом, всю жизнь проработавшие на обслуживании первых технических этажей небоскрёбов, смогут безбедно прожить целый год. А можно эти деньги отдать сестре и тогда, с таким приданым, ей обязательно подвернётся хороший жених. А можно положить их на счёт в банке. Процент, конечно, небольшой, но всё же. Но это всё мечты. Кто возьмёт в армию маленького худенького паренька со слабым здоро-

вьем? Сейчас не война и такие новобранцы никому не нужны.

Самое лучшее в армии – попасть в Космический флот. Тогда просторы всей Солнечной системы станут открыты. Но туда отбор ещё жёстче, чем в сухопутные войска или на морской флот.

Сит не знал ни одного случая, чтобы кто-то с улицы сумел попасть в Космический флот. Да что там армия или флот! Его не берёт к себе даже смотрящий улицы Сулл Баарр – очень важный человек, приближённый к Фину Сиимму. А тот, между прочим, смотрящий за целым районом. Его туда поставил сам Фэд Наасс – хозяин Восточной сети улиц.

Сит никогда не видел ни Фина Сиимма, ни тем более Фэда Наасса. Это не его уровень. Для них убить человека – что ему моргнуть глазом. Но сами они уже давно этого не делают. Например, у Фэда Наасса целая армия молодых здоровых бритоголовых парней, готовых на всё.

Бывает, владельцы упавших флаеров гибнут, но такое случается редко, всё-таки энергетические ловители гасят скорость падения. Эти люди обращаются в полицию и их отправляют через защиту ловителей восвояси. Они никогда не забирают рухнувшие аппараты, наверное, у них достаточно ассигнаций на новые. А за начинкой машин сразу начинается охота, пока не прибыла полиция для оформления аварии.

Совсем уже старые давно рухнувшие флаеры уличные

службы увозят за город на свалку, чтобы не захламляли и без того не особо широкие улицы.

Удел Сита – разбирать пробившие энергетические уловители и рухнувшие флаеры. Но допускают к ним, когда парни Сулла снимут всё самое ценное и передадут ему. Баарр с ними рассчитается и передаст это Фину Сиимму, а тот, после расчёта с Баарром, передаст это людям Фэда Наасса. Таковы правила жизни на улице. Если хочешь жить среди людей, соблюдай правила – всегда заработаешь на кусок хлеба.

У него кусок хлеба не очень большой. Какой может быть навар после парней Сулла Баарра? И всё же они снимают не всё. Кое-что перепадает и ему. Благодаря худобе и маленькому росту он может залезть в самые недра флаера и снять все микрочипы и микросхемы, куда не добрались парни хозяина улицы.

Сит тоже относит это Баарру и получает положенное. На эти жалкие ассигнации не развернёшься, но прожить можно. Мечта Сита – микрочип управления всей автоматикой флаера. За такой Сулл Баарр мог бы отвалить кругленькую сумму. Тогда бы Сит купил хорошие инструменты, ими работать гораздо удобнее, а то приходится возиться допотопными приспособлениями. Времени много уходит и сил, а главное – нервов. Ведь заниматься таким, с позволения сказать, бизнесом запрещено законом. За этим следит уличный полицейский сержант Пип Леесс. Его никто не уважает: не только потому, что он полицейский, но и потому, что все знают –

он продажный полицейский. Леессу на чьё-то уважение наплевать, он неплохо устроился в жизни, получает оклад на государственной службе и неплохой бонус от Сулла Баарра за то, что закрывает глаза на действия его парней, когда те работают с упавшим флаером.

А вот за такими, как Сит, Леесс с удовольствием охотится. Взять с них нечего, но за доставку в полицейский участок полагается премия. В участке обязательно отберут всю добычу, намнут бока и выпишут штраф, который можно уплатить сразу же самим полицейским неофициально, так сказать.

Если ассигнаций на немедленную выплату штрафа нет, то платить нужно через банк в течение десяти дней. Иначе за просрочку пойдёт пеня. А там жди в гости этих же полицейских, они доставят в суд, где приговорят к условной нейтрализации на один год.

Сержант Леесс всерьёз опасается и, как подозревает Сит, ненавидит уличного полицейского лейтенанта Тора Пеекка. Тот как ангел возмездия всегда появляется внезапно. Никто не знает, где он обитает, потому что лейтенант – одиночка. Он работает без напарника и всегда очень жёстко. Его опасаются и парни Сулла Баарра и, возможно, даже люди самого Фэда Наасса.

Пеекк, не задумываясь, пускает в ход излучатель, если видит, что кто-то всерьёз нарушает закон. И ему всё сходит с рук. Не потому что он имеет связи, а потому что после излучателя Пеекка жалобщики переселяются в мир иной, а воз-

возможные свидетели почему-то не горят желанием рассказать об увиденном.

Бывает, парни Фэда что-то не поделят с парнями других сетей улиц. Как правило, это заканчивается перестрелками, после чего почти всегда остаются трупы. Если же в драку ввяжется вдруг неожиданно появившийся лейтенант Пеекк, то трупов всегда больше раза в два. К тому времени, как прибывают полицейские из участка и медики, улица будто вымирает. Прибывшие делают свою работу и исчезают до следующей стычки.

Сам Сит опасается не только их всех, но и своих конкурентов – таких же искателей наживы в рухнувших флаерах. Сит ни с кем из них дружбы не водит, а, наоборот, ведёт непримиримую войну за право работать на всей улице.

Так что всё здесь отлажено, каждый знает своё место. Все понимают незаконность подобного, но ничего не меняется.

Такая вот нервная и опасная работа у Сита Куулла. Но он больше ничего не умеет, да и не хочет делать. Не идти же, как родители, на обслуживание первых технических этажей небоскрёбов. Они дневного света почти не видят, постоянно пропадают в необъятных полутёмных лабиринтах гигантских зданий.

Говорят, там водится всякая нечисть. Порой кто-то из обслуживающего персонала исчезает. Иногда их находят. Если повезло, живыми, если нет – умершими. Мертвецов объедают крысы, числа которым нет.

Нередко пропавших не находят.

Куда они исчезают? Никто не знает. Слухов много, один невероятнее другого. Самый распространённый, появившийся давно – получеловек-полукрыс. Якобы одного специалиста укусила мутировавшая крыса, он сам мутировал и превратился в монстра, ходящего на задних лапах, отрастившего хвост, видящего в полной темноте и питающегося потерявшимися рабочими.

Эти страшилки Сит слышал с детства. Раньше хотел узнать все тёмные и загадочные уголки мрачных лабиринтов, найти и убить свирепого мутанта, но с возрастом это желание ушло. Нет, работать там Сит не хочет.

Достаточно того, что он, как и все жители района, живёт в одном из небоскрёбов, занимая небольшую клетушку, арендованную у собственника первых технических этажей. На свой угол Сит пока не заработал, но обязательно сделает это. Если повезёт, то снимет несколько микрочипов управления автоматикой с упавших флаеров. Тогда приобретёт своё жильё и, возможно, даже с собственным окном, выходящим на улицу, где он удобно устроился на поваленном столбе освещения, привалившись спиной к необъятной, шершавой, веющей холодом и ощущением чудовищной монументальности стене.

Он только что умял недорогой обед, увиделся с подружкой – Литт Меенн, договорился встретиться вечерком и неплохо провести время. От этого Сит пребывал в прекрас-

ном расположении духа, смотрел на туманную дымку, постоянно висящую вверху, и представлял, каким должно быть небо, если его увидеть не на голографической картинке, а своими глазами.

Настроение испортилось, когда Сит увидел приближающегося Пипа Леесса. Тот не торопясь шёл вальяжной походкой хозяина, которому здесь принадлежит всё. Увидев Сита, Леесс довольно ухмыльнулся и направился в его сторону.

Сит продолжал сидеть, как ни в чём не бывало.

Леесс подошёл, держа в правой руке ППЛД и постукивая им по раскрытой ладони левой.

ППЛД расшифровывался как «Парализатор полицейский лучевой дистанционный» и представлял собой оружие нетравматического воздействия, в результате применения которого воля субъекта подавлялась, и полицейский без труда доставлял нарушителя в участок.

Кроме того, в штатное вооружение каждого уличного полицейского входил ЛПЛ – «Лучемёт полицейский лёгкий», предназначенный для ближнего уличного боя. При помощи этой штуки вполне можно нанести ранение средней тяжести и даже убить. В армии на вооружении стояли РЛАС – «Ручной лучемёт армейский средний» и РЛАТ – «Ручной лучемёт армейский тяжёлый». С тех штук легко прожигалось силовое поле средней и тяжёлой техники, отчего та горела ярким пламенем.

Существовали и другие образцы тяжёлых лучемётов, но

их устанавливали на боевой технике и космических крейсерах.

Всё это Сит знал из специальных справочников, потому что гипотетически рассматривал возможность поступления на службу в армию, однако понимал, что туда ему дорога заказана по состоянию здоровья.

Леесс надменно произнёс:

– Отлепи задницу от столба, сынок, и встань, когда к тебе обращается сержант полиции.

Сит нехотя поднялся, одновременно вытаскивая руки из карманов штанов, выворачивая наизнанку, демонстрируя их абсолютную пустоту. Весь его вид так и говорил: дескать, иди, куда шёл, здесь поживиться нечем.

Но сержант явно никуда не торопился, ему хотелось проучить нахала и он соображал, за что бы зацепиться для начала.

Долго думать не пришлось и Пип начал:

– Бездельничаешь? Работать не желаешь? Чем промышляешь?

Сержант прекрасно знал, чем промышляет Сит, тем более что небольшой потрёпанный кейс с инструментами рядом, но это не является поводом к задержанию. Иметь такие инструменты может любой, а уж как он их использует – его дело. Лишь бы не попался на разборке флаеров.

– Пора доставить тебя в участок для оформления, – зловеще сказал Пип, прожигая Сита взглядом.

Ответ привёл блюстителя в полную растерянность.

– Господин сержант, я в полицию собираюсь идти слушать, будем вместе следить за порядком на улицах.

Леесс подозрительно уставился на парня, пытаясь понять, насколько тот правдив и куда вообще клонит, нет ли здесь какого подвоха.

В этот момент лица честнее, чем у Сита Куулла, не нашлось бы во всей Солнечной системе.

Он влюблёнными глазами преданно поедал оторопевшего сержанта.

– Ну-ну, – только и смог вымолвить Леесс, бестолково топчась на месте, не зная, как оставить за собой последнее слово и уйти.

Ничего дельного в голову не приходило, Леесс ещё раз пробурчал: «Ну-ну» и пошёл прочь, поправив на правом боку ЛПЛ.

Сит с презрением смотрел ему в спину, затем демонстративно отвернулся, сел и стал смотреть в противоположную сторону.

Время шло.

Сит, скучая, продолжал сидеть на столбе. Иногда по пустынной улице проходили одинокие прохожие, идущие по своим делам. Рабочий день, все чем-то заняты, в основном на обслуживании небоскрёбов.

Внезапно в районе силового поля энергетических уловителей сверкнула мощная синеватая вспышка, и Сит момен-

тально понял: добыча! И сразу же сверху рухнул флаер с отполированной обшивкой глубоко насыщенного тёмно-зелёного цвета. Машина с грохотом пропахала улицу, в стороны полетели куски покрытия, с сухим дробным стуком лупя в стены. Поднялась пыль и всё стихло.

С детства привыкший к подобным сюрпризам, парень успел свалиться за лежащий столб. Укрытие, конечно, сомнительное: если б флаер впечатался в стену, то Ситу очень не поздоровилось бы. Но выбирать не приходилось. Спрятался от летящих камней – и то хорошо.

Он поднял голову и поблагодарил судьбу за благосклонность: флаер дорогой, последней модели, микрочип управления автоматикой самый современный. Вокруг ни души, а кейс с инструментами рядышком.

Рит из кабинета шефа направился домой. Такси спустилось на уровень, где жил Поолл, сразу почувствовавший разницу с уровнем вип-персон. По пути он связался с одним из своих агентов и дал тому задание.

На пороге его встретила жена – Эсс Поолл.

Они поженились чуть больше года и недавно отметили первую годовщину, пригласив родственников Эсс. У Поолла несколько лет как сначала умерла мать, а потом и отец. Так что до знакомства с Эсс и свадьбы он жил один. Вечеринка удалась на славу, было весело и шумно.

– Ты рано сегодня, – удивилась Эсс.

– Я не вовремя? Ты меня не ждала? – с шутливой ревностью спросил Ритан. – У тебя мужчина? Где он?

Рит принялся поднимать и передвигать мелкие предметы – стакан, ложку, подушку на кресле, пытаясь «обнаружить» спрятавшегося любовника.

– Господин майор, вы меня обижаете. Мужчина таких недостойных размеров? – в тон ему ответила Эсс. – Это слишком мелко для такой красивой женщины как я.

Они встретились посреди комнаты. Сильный, тренированный молодой мужчина и стройная, хрупкая молодая женщина, на голову ниже супруга. Ритан нежно обнял жену за талию, привлек к себе и поцеловал в губы. Эсс обвила руками его шею и ответила на поцелуй.

Они стояли обнявшись.

– У тебя новое платье? Очень красивое, мне нравится.

– Вчера заказывала по каталогу в мастерской мадам Бонн, сегодня доставили. Я рада, что тебе понравилось, – Эсс отстранилась и закружилась на месте. – Ну, как?

Майор всем видом изобразил искреннее восхищение.

– Чудесно, Эсс, просто чудесно.

– Тебе, правда, нравится?

– Правда.

Женщина довольно улыбнулась и спросила:

– Как у тебя дела на службе?

– Был у шефа на совещании. Предстоит очередная заброска.

– Куда на этот раз?

– Двадцатый год девятнадцатого века, Россия, ничего интересного, – равнодушно ответил майор.

– Давай после возвращения слетаем на Гавайи? Заодно оценим возможности твоего нового флаера. А я надену это платье.

– Хорошая мысль, Эсс. Я как раз собирался обсудить с тобой эту идею, – слукавил Ритан с самым правдоподобным в мире выражением простодушия на лице. – Мы полетим завтра и на целых три дня, а потом предстоит заброска.

Эсс, сжавшись на секунду, восторженно пискнула и бросилась в объятия мужа.

– Рит, я тебя обожаю, ты всегда угадываешь мои мысли и желания! Как тебе это удаётся?

– Потому что я люблю тебя, детка, – совершенно искренне сказал майор.

– Я тоже тебя люблю, милый – отозвалась Эсс и нежно обвила руками крепкую шею мужа, положив голову на его грудь.

Через секунду она отстранилась.

– Что-то не так, Рит? – спросила Эсс с тревогой, глядя пристально мужу в глаза.

– Эсс, детка, чего ты взяла? – удивился майор.

– Не лги мне, Ритан, ты же знаешь, меня невозможно обмануть, я всегда чувствую твоё состояние.

– Да нет же, всё в порядке, просто работы в последнее вре-

мя много.

– Рит! – предупреждаяще сказала Эсс.

– Прости, детка, не хотел тебя беспокоить, но раз уж ты всё поняла... Заброска предстоит не в двадцатый год, а несколько раньше – в двенадцатый. Начало войны между Францией и Россией.

– Боже мой, Ритан... Там же такие тяжёлые сражения шли... Я ведь хорошо знаю историю, кроме того, смотрела постановку романа Толстого. Ты же знаешь, я интересуюсь историей и культурой России. Ведь наши с тобой предки оттуда, только затерялись где-то в позапрошлом веке после Третьей мировой... Что ты будешь там делать?

– Ну, Эсс, всё не так страшно, как тебе кажется. Меня не будет ни под Смоленском, ни под Бородино⁶. Могу тебе в этом поклясться. Цель заброски иная. Через три дня я должен быть там.

– А какая, ты всё равно не скажешь, – покорно проговорила Эсс.

– Не скажу, Эсс. Как не говорил никогда прежде. Это служебная информация. Что у нас на обед? Стоп, у меня появилась хорошая идея.

– Какая? – без всякого интереса спросила женщина, встревоженная словами мужа.

– Сейчас мы отправимся в ресторан.

⁶ Под городом Смоленск и деревней Бородино состоялся ряд наиболее тяжёлых и кровопролитных сражений в Отечественной войне 1812 года.

– Ты действительно этого хочешь, Ритан, или просто пытаешься меня отвлечь и сделать приятное?

– И то и другое, детка. Ты пойдёшь в этом платье. Все мужчины будут у твоих ног, а женщины умрут от зависти. У тебя есть ещё два, в которых, по-моему, ты нигде не была, они мне тоже очень нравятся, возьмёшь их с собой в отпуск.

В глазах женщины засветился интерес.

– Это какие?

Майор обнял жену за талию, увлекая к обширному гардеробу.

– Ну-у... В общем, на словах объяснить не могу, пойдём, я тебе так покажу.

На Гавайях они поселились рядом с молодой парой – застенчивым и порой немного смешным молодым человеком Рутом и его девушкой Мии. Все три дня майор был весел и беспечен, так как план операции сложился в голове за одну минуту. По легенде для сотрудников отдела он отправляется в служебную командировку в соседний мегаполис. А что касается проникновения на улицы города, то тут всё просто. Путь туда и оттуда закрыт силовым полем энергетических ловителей. Туда он пройдёт через свой служебный код доступа. Аппаратура, конечно, зафиксирует это, но технике безразлично, с какой целью владелец служебного кода проходит через пояс, и какое время он будет находиться внизу. Так что с этим проблем не возникнет. Это у обычных, небо-

гатов жителей улиц возможности свободного прохода через силовое поле нет. Как подозревал майор, покинуть улицы хотя бы очень и очень многие, но не имеют для этого возможности и достаточных средств. Ведь чем выше уровень, тем дороже жильё.

Там, в трущобах, его никто не знает, он снимет недорогое жильё и будет жить как все, не выделяясь из общей массы. Раствориться в окружающей среде ему не впервой, сколько подобных ситуаций у него уже было в различных Временных плоскостях за десять лет службы!

Затем он выйдет на парней местного мафиози, их всегда видно по своеобразной внешности и манере поведения. Им он предложит несколько микрочипов управления автоматикой и прозрачно намекнёт, что сможет поставить их в неограниченном количестве. Каким образом? Это он скажет только тому, кто предложит наиболее выгодную цену.

А дальше? А дальше авось кривая вывезет, – как когда-то говаривали его далёкие предки, жившие в исчезнувшей непостижимым образом великой державе. Исчезнувшей по историческим меркам за рекордно короткий срок, будто растворившейся в небытие. Ничего не стоили все эти разговоры о самобытности русского народа, его загадочной душе и великой силе духа. Русских, как нации, просто не стало, как и их страны. Оставшиеся разрозненные группы и общины не в счёт, сейчас и их уже не найдёшь, растворились в общей массе многочисленных народов Сообщества, объеди-

нившего в себе половину жителей планеты.

Согласно принятому законодательству на момент объединения, гражданам Сообщества давались совершенно новые имена и фамилии, символизирующие одну общность единого нового народа. Поначалу люди активно противились этому нововведению, сменилось не одно поколение, пока все окончательно привыкли к новым именам, не то чтобы совсем позабыв о старых, но считая их пыльными анахронизмами.

Постепенно сформировался и новый язык, сначала вообразивший в себя невообразимую мешанину из множества других, но с десятилетиями отточившийся, принявший теперешнюю форму и обросший диалектами в разных уголках необозримой конфедерации.

Где-то ещё продолжали разговаривать на прежних языках, но это расценивалось как приверженность традициям, не более того. Государственным и общепринятым языком стал язык новый.

Ритан любил русский язык за его образность и глубину. Особенно ему нравились пословицы, поговорки и различные крылатые выражения. Вот где воплотилась вся яркость и неповторимость русских! Чего стоят только: «Авось да небось – хоть брось», «Носить воду в решете», «В голове нет, и в шапку не накидаешь», «В дураке и царь не волен» и сотни тому подобных.

Три дня и три ночи пролетели, как один миг. Рит и

Эсс вернулись домой в последнюю ночь перед заброской, и счастливые и опустошённые лежали на супружеском ложе. Рит, вольготно раскинувшись, лежал на спине, а Эсс удобно устроила голову на его груди.

С большого окна спальни, сконструированного по желанию Ритана специалистами по перепланировке таким образом, чтобы был виден кусочек неба, он, ближе к ночи, снял силовое поле защиты, отчего в спальню доносились звуки спящего города и задувал прохладный ветерок. С тёмного неба мигали многочисленные звёзды. Порой какая-нибудь неожиданно перечёркивала небосвод, исчезая за очертаниями соседнего небоскрёба. Иногда видимое из окна пространство пересекали зелёные огоньки пассажирских и транспортных лайнеров, идущих в очередной рейс, или оранжевые огоньки малых и средних крейсеров, несущих боевое дежурство по охране рубежей Сообщества. Рит вспомнил, как в давешнем разговоре Директор сказал о предстоящей войне, как о неизбежном.

Война... Как же всё-таки это страшно, когда в один миг рушится всё, что так дорого, когда душа тревожно сжимается и болит в ожидании неизбежных лишений, разрухи, голода, страданий и смертей миллионов людей.

Ритан в своих перемещениях видел много различных войн и их последствий. И везде только лишения, горе и смерть. Никакой романтики, патетики и идеологически выдержанных речей. Только грязь, кровь, страх, разлагающие-

ся трупы, вонь кала и мочи из рваных кишок и кисло пахнущая блевотина от этого нестерпимого смрада. Чем руководствовались те, кто всё это начинал? Они рассуждали примерно как его шеф, находя оправдание войне? Или как-то иначе? Почему во все времена люди воевали с теми, кого никогда не видели и кто лично им не сделал ничего плохого? С теми, кому они сами никогда ничего плохого не делали? Почему?

Ответа майор не находил.

– Ритан, ты опять думаешь о своём задании? – не поднимая головы, спросила Эсс.

– С чего ты взяла, детка?

– У тебя сердце чаще забилося и тело напряглось.

– Нет, я вспомнил о том, как занимался виндсерфингом.

– Ой, Ритан! Океан, Гавайи – это так здорово! Я буду вспоминать о нашем отпуске. Возвращайся скорее.

– Обязательно детка, я не стану задерживаться там. А ты будь здесь хорошей девочкой, не забывай своих родственников, чаще бывай у них и приглашай к нам в гости, тогда тебе не будет скучно. А ещё у меня есть для тебя сюрприз.

– Какой?

Ритан сунул руку под подушку и извлёк ключ активации движителя флаера.

– Вот, перечислил деньги со своего счёта в компанию, где мы были после ресторана перед отлётом на Гавайи, и где тебе понравился сверкающий полировкой сиреневый флаер.

Эсс счастливо взвизгнула, подскочив на кровати.

– Рит! Ты это сделал?! Боже мой, Рит! Я тебя люблю! Дай мне ключ! Ритан, ну дай ключ! – Эсс подпрыгивала на коленях, пытаясь дотянуться до ладони мужа. А тот шутливо убирал руку, не позволяя жене схватить ключ. Наконец она завладела желаемым, разглядывая его, как кладоискатель сокровище.

– Завтра сможешь забрать флаер, необходимые документы компания уже оформила.

– Рит, я тебя люблю, – восторженно сказала Эсс. – Завтра же полечу к маме и папе, пусть посмотрят на твой подарок.

– Будь осторожнее, детка.

– Конечно, любимый. Ты же знаешь, я очень аккуратно управляю. В сложных ситуациях буду переходить на автопилот, обещаю.

Он привлёк жену.

– Я знаю, детка. Я тебя люблю.

– И я люблю тебя, милый.

Они ещё долго лежали без сна, обнявшись. Эсс была счастлива от предстоящих самостоятельных полётов на новеньком, так понравившемся ей флаере. А Ритан думал о том, что готов отдать жизнь за Эсс, за то, чтобы она всегда была счастлива, чтобы они вместе были счастливы. Для этого он преодолеет любые преграды, выполнит все задания, сотрёт в порошок всякого, вставшего на пути к счастью.

Он добудет этот Кристалл, узнает, кто и как передал, а кто

получил технологию, и сделает всё, чтобы война никогда не началась. А желающие пусть берут оружие, детей, матерей, других родственников и пусть стреляют, сколько влезет по таким же ублюдкам, желающим войны. А те пусть стреляют в ответ.

Пат Руукк привычно чертыхнулся, когда сорвавшийся со стона ключ звякнул о соседнюю трубу и упал на зарешёченный металлический пол эстакады. Он побряхтел, неловко нагибаясь за упавшим инструментом. Всё здесь проржавело и прогнило. В луче фонаря, укрепленного на каске, действительно виднелись причудливые переплетения ржавых и мокрых труб различного сечения и изгибов, разбегающиеся по тёмному нутру огромного небоскрёба, освещённого редкими лампами.

Рядом находилось множество всевозможных кабелей, паутиной разбегающихся вслед трубам. Но это уже не его вотчина. Здесь работают связисты и электрики, постоянно ругающие Пата и других за то, что сырость действует на работу сетей.

А что может сделать лично Пат Руукк, когда здесь всё в таком состоянии? Поэтому в ответ он ругает электриков за то, что они проложили коммуникации рядом с трубами. Хотя, где им ещё прокладывать, если здесь всё так?

За долгие сорок лет работы Пат стал неплохо ориентироваться в своей вотчине и, не активируя голограмму плана,

мог по памяти довольно точно сказать, куда ведёт тот или иной коридор, шахта, сотни ответвлений, переходы на уровнях выше или ниже.

В этом лабиринте есть места, где Пат не бывал годами – как говорится, ноги не доходят. А они не доходят всё чаще, слабеют потому что. Пора уже задуматься о напарнике – молодом и резвом, да чтоб был не абы какой, а хотел работать, чтоб интересно ему было. Сам Пат тоже когда-то двадцатилетним парнем начинал в подмастерьях и уже тогда здесь всё текло и ржавело, а уж сейчас... О-хо-хо, что и говорить, железо, оно тоже не вечно.

Пат опять побряхтел, скорее по привычке. Похоже, сгон встал неплохо, вода уже не фонтанировала струёй, – отметил он удовлетворённо.

Пора и обратно.

Чтобы проделать путь сюда, у Пата ушло без малого полдня на переходы, подъёмы, спуски, обходы районов, где пар от бьющего из стыков труб кипятка стоял сплошной пеленой, наполняя и без того плохо вентилируемый воздух тяжёлой сыростью. Этот участок Пат планомерно ремонтировал уже месяц. На закреплённых за ним участках в целом всё обстояло неплохо, чего не скажешь о соседних, числящихся за другими обходчиками. Там толковых специалистов немного, поэтому и порядка меньше.

Сегодня Пат решил заночевать здесь, слишком уж долго идти назад, доберётся только к ночи, а утром опять сюда.

Пат часто так поступал, он уже привык к нутру здания, к его звукам и шумам, считая небоскрёб живым существом.

При себе у Пата всегда походный набор: скатка прорезиненной мягкой подстилки, кружка с ложкой, переносная горелка и пакетики с сухим пайком. А уж с водой-то здесь проблем никогда не было. А чего ещё нужно привычному ко всему человеку? Дома в его клетушке то же самое, только обжитое с годами, отчего и попривычнее там, как-никак дом. Пустой дом, ни жены, ни детей. Не сложилось как-то с самого начала, потом уже привык и менять ничего не хотелось. Нет, женщины, конечно, были. Много, всяких, даже когда ему было лет сорок, он ещё развлекался с восемнадцатилетними девахами. Потом как-то всё само собой успокоилось, связи и знакомства существенно сократились, а годам к пятидесяти пяти порастерялись, одиночество стало привычным и комфортным. Да и работа скучать не даёт. Так что всё в жизни Пата хорошо.

Нехорошо в последнее время только одно: часто стали пропадать рабочие и специалисты. Они терялись и пропадали раньше, несмотря на наличие у каждого голограммы плана. Как можно с ней потеряться, Пат никак не мог взять в толк. А сейчас люди начали пропадать и умирать чаще. Когда их находили объединенных крысами, то на лицах у всех был одинаковый застывший страх. Что такого они видели перед смертью, знали только умершие, унеся тайну с собой.

Пат не верил во всякую там чертовщину, потому что ни-

когда не встречал ничего такого, о чём твердят многочислен-
ные байки, до которых так охочи любители пощекотать нер-
вы. Но всё же что-то ведь происходит, особенно в послед-
нее время, ведь люди гибнут и гибнут как-то странно, без
видимых внешних повреждений, как будто действительно от
страха.

Но пусть с этим разбирается полиция, у него своих забот
хватает.

Пат выбрал площадку посуше, расстелил скатку и поудоб-
нее расположился, запрограммировав её так, чтобы она под-
страивалась под положение тела, когда захочется повернуть-
ся, чтобы не отлёживаться в одном положении уже немолодые
бока.

Затем с наручного персоника активировал небольшой
экран, с которого обаятельный раскрепощённый молодой
человек на фоне марсианского пейзажа этак по-свойски, за-
панибрата интересовался, когда ты последний раз был на
Марсе и не пора ли снова побывать здесь. А если, дружище,
ты не хочешь на Марс, есть Сатурн или любая другая плане-
та и их спутники Солнечной системы. Куда бы ты ни отпра-
вился, скучать тебе не придётся, компания берёт всё на себя
и результат гарантирует. Тебе стоит только сказать «да» – и
твоеё желание осуществится. Всего-то дел!

Пат сменил картинку.

Здесь обаятельная девушка рассказывала, как здорово
жить на вип-ярусе, о получаемых неоспоримых преимуще-

ствах выбора именно этой компании при оформлении сделки, о том, что работать с высокопрофессиональными служащими компании удобно и просто, они обо всём позаботятся, стоит только сказать «да».

Пат вновь сменил картинку.

Здесь шёл сериал о космических десантниках, проявляющих чудеса героизма в Дальнем Космосе.

Только Пат устроился поудобнее, как неожиданно выскользившая ещё одна смазливая девица на фоне блестящего полировкой и покоряющего благородными формами аппарата, томным сексуальным голосом сообщила, что этот флаер последней модели прямо сейчас может стать твоим, стоит только сказать «да» – и он твой.

Пат в сердцах сплюнул и сказал:

– Да!

Ничего не изменилось.

– Ну и где всё, что вы тут обещаете? – недоумённо спросил он, вертя головой по сторонам.

«Для кого вся эта реклама, – раздражённо думал Пат. – Чем думают чиновники, запуская её на все зоны доступа, даже туда, где большинство людей никогда не видели не то что Марса с Сатурном, а даже земного неба? Они по определению не смогут позволить себе ничего из того, что предлагают различные каналы».

– А не хотите ли прогуляться по недрам небоскрёба, мать вашу, – заёрничал Пат, – понюхать дерьма, в изобилии те-

кущего по прогнившим трубам с ваших ярусов? Вам стоит только сказать «да» – и старина Пат устроит всё в лучшем виде.

Реклама закончилась, звёздные десантники вновь бросились в атаку на ревущее чудовище, копошащееся в черноте вечной ночи, окутавшей незнакомую далёкую планету.

Постепенно Пат задремал. Датчики персоника, уловив изменившийся ритм сердцебиения и выровнявшееся дыхание, отключили экран.

На небольшом пяточке, где устроился человек, наступила тишина, нарушаемая шебаршением и писком вездесущих крыс, да огромное чрево небоскрёба, едва освещённое редкими лампами, продолжало издавать непонятные шумы и звуки, будто доказывая, что оно и в самом деле живое.

Сулл Баарр деактивировал экран персоника и раздражённо заходил по комнате. Только что он разговаривал с Финном Сииммом. Разговор шёл о товаре, его стало недостаточно поступать от Сулла. И говорил Фин об этом так, будто сам Сулл непосредственно виноват в уменьшении поставляемых партий. А где он возьмёт, если товара просто нет? Хоть он и падает с неба, но его как манны небесной ждать и ждать.

Нет товара?

В разговоре об этом Фин удивился так, будто не знал всей ситуации в целом.

Сулл вежливо поинтересовался, как обстоят дела на дру-

гих улицах. На что Фин посоветовал ему заниматься своей улицей и не совать нос в чужие дела. И всё же добавил, что дела идут из рук вон плохо, Фэд Наасс требует товара всё больше. Поэтому задача Сулла – обеспечить бесперебойную поставку со своей улицы.

Сказал и отключился.

И ведь понимает, что из воздуха товар не возьмёшь, но это, как говорится, не его проблемы.

Сулл дважды хлопнул в ладоши, показался предупредительный помощник. Баарр кивнул, помощник молча исчез, дверь плавно встала в паз.

Спустя пару минут, дверь вновь отъехала в сторону и на пороге возникла красотка в откровенном наряде. Баарр повёл плечами, сбрасывая просторный халат. Показав в приятной улыбке великолепные зубы, девица плавно приблизилась к Суллу, обошла его и нежно обняла, прильнув едва прикрытым телом к рыхлой широкой волосатой спине, защищённой изрядной прослойкой подкожного жира.

Баарр блаженно прикрыл глаза.

Через час он прогнал девицу. Напряжение от разговора с Сииммом слегка отпустило, но проблема так и оставалась нерешённой. Сулл не представлял, что можно сделать в этой ситуации. В последнее время Фин Сиимм стал требовать всё больше и больше товара, как с цепи сорвался. Что происходит дальше с этими микрочипами и прочей электроникой с упавших флаеров, Сулл понятия не имел, но предполагал,

что их перепродают на чёрном рынке или в мастерские по ремонту флаеров или ещё куда-нибудь. Баарр не знал, он просто делал эту работу, как и всю прочую, и исправно получал деньги. Но что-то в последнее время изменилось, не зря Фин Сиимм так нервничает.

Пока Сулл Баарр ломал голову, как решить свою проблему, о том же самом думал и Фин Сиимм. Но его проблема была не в пример больше по причине, что за ним закреплен целый район. И хоть товар шёл ежедневно, Наассу этого всё равно было мало, он требовал, а Сиимм, в свою очередь, требовал от смотрящих улиц, предполагая, что другим смотрящим районов в Восточной сети приходится не легче. Что произошло, почему Фэд Наасс стал так требователен?

Глава IV

Фэд Наасс

Фэд Наасс нашёл этого парня, можно сказать, на улице, когда тот отбыл годовой срок условной нейтрализации и оказался брошенным на произвол судьбы, так как после получения судимости двери всех более-менее приличным фирм и компаний закрывались перед претендентами на ту или иную должность. Кто захочет иметь у себя в работниках бывшего условно нейтрализованного? Ведь все знают, что мозги и психика человека после нейтрализации в норму уже не приходят. С виду человек как человек. Ан нет. Ощущение инакости собеседника уже присутствует, в подсознании сидит мыслишка: «он подвергался нейтрализации».

Фэд ни за что не взял бы этого, хоть и хватает таких в боевиках. Некоторые, отбывая срок, побывали в локальных военных конфликтах, но им удалось уцелеть. К нейтрализованным в армии относятся как к пушечному мясу. Законом они лишены гражданских прав.

Эти роты бросают в самые безнадёжные передраги, оттуда мало кто возвращается живым, а если уцелел, то погибнет в следующей атаке или бою. Под воздействием нейтрализации у человека оставалась не подавленной только одна способность – беспрекословно выполнять любой приказ командиров. И они лезли под шквальный огонь противника, потому

что страх им был не ведом.

Если они приходили к Фэду, он брал их не задумываясь. Эти парни уже не боялись никого и ничего, будто всё ещё оставались под воздействием нейтрализации. А вот этого неуклюжего потерянного помятого он не взял бы.

Из-за отсутствия на период нейтрализации локальных конфликтов парень был привлечён к принудительным работам, где его в течение года нещадно эксплуатировали. Несмотря на неуклюжесть, он умудрился не получить увечья, не свернуть шею, и после снятия нейтрализации оказался выброшенным на улицу.

Решение взять его возникло неожиданно. Фэд в сопровождении небольшого эскорта головорезов, неумело пытающихся на людях выглядеть поприличнее, прогуливался по развлекательному центру, остановившись у объёмной рекламы, предлагающей за разумную плату экскурсии во Временные плоскости.

Сменяющиеся картинки чередовались с изображением Кристалла Времени. Этот неуклюжий заслонял обзор, и Фэд, брезгливо поморщившись, отступил на шаг в сторону. Один из охранников тут же решительно взял растяпу за плечо, собираясь отодвинуть подальше от босса. Неуклюжий, как-то странно улыбаясь, будто был не от мира сего, не обращаясь ни к кому конкретно, сказал:

– Я могу вырастить почти такой же...

И смутился, опустив глаза, словно сказал нечто неприлич-

ное, всеми услышанное.

Охранник потащил парня в сторону, но у Фэда вдруг случилось озарение, и он приказал:

– Оставь его.

Боевик беспрекословно отступил на несколько шагов.

Только что он собирался дать затрещину недотёпе, чтоб не путался под ногами. Но если бы Фэду тут же вздумалось распорядиться, чтобы охранник после выданной затрещины обнял растяпу, как лучшего друга, охранник так бы и поступил.

– Как зовут тебя, дружище? – дружелюбно поинтересовался Фэд.

– Рут Терранн, – представился недотёпа.

И опять растерянно-смущённо опустил взгляд на свои стоптанные ботинки. Словно увидев их в первый раз, ещё больше смутился и покраснел.

– Я – Фэд Наасс, – по-простому представился Фэд.

– Не слышал, – думая о чём-то своём, отозвался недотёпа.

Фэд от души улыбнулся. Этот парень сумел развеселить его, давно привыкшего к тому, что его имя вызывает как минимум выражение почтения на лицах многих и многих. Чаще же при упоминании о Фэде на их лицах проступал неподдельный страх. А этот, видите ли, не слышал. Боевики тоже попытались улыбаться зверскими рожами, но получилось не у всех. Гораздо больше их физиономии привыкли выражать гнев и угрозу.

– Я человек скромный, живу незаметно, стараюсь не выделяться, – продолжая улыбаться, ответил Фэд, считая, что говорит чистую правду.

Так оно и было в соответствии с его статусом и родом занятий.

– Знаете, господин, Наасс, я тоже не люблю выделяться и считаю, что люди должны быть скромными и порядочными, – зачастил недотёпа.

Но Фэд как бы невзначай перебил его:

– Ты что-то говорил о Кристалле, Рут.

– О Кристалле? А, конечно-конечно, – вновь смутился парень и, собрав постоянно разбегающиеся мысли, продолжил. – Дело в том, что я до... ну это не важно, работал в лаборатории Института Времени по обслуживанию Кристалла, и в общих чертах знаком с технологией его выращивания. Знаю я не всё, но вполне достаточно, чтобы попробовать вырастить хотя бы опытный образец, чтобы потом, исследуя допущенные ошибки и степени погрешности, вырастить улучшенный образец, а затем следующий... Только для этого нужна лаборатория и средства, а у меня...

Парень снова смутился.

Наасс слушал его со всей внимательностью. Мозги этого парня, при условии, что он говорит правду, стоят миллиарды ассигнаций. Но это не главное. Кристалл Времени существовал лишь в двух экземплярах: у Сообщества, гражданином которого Наасс являлся, и у Коалиции. Не так давно по-

явились ещё маленькие Кристаллы, упростившие учёным и офицерам Департамента Полиции переходы во Временные плоскости, но они полностью завязаны на Большие Кристаллы и без них абсолютно бесполезны.

Кристаллы и всё, что с ними связано, являются исключительной прерогативой правительств этих держав. Последняя война, из-за единственного тогда Кристалла Времени, находившегося у Сообщества, длилась четыре года и закончилась чуть более шестидесяти лет назад – в две тысячи сто пятьдесят четвёртом году, потому что у Коалиции появился свой минерал, и её притязания сами собой отпали.

Свой собственный Кристалл Времени давал такие колоссальные возможности, что из хозяина маленькой и ничтожной вотчины Фэд Наасс мог волшебным образом превратиться в Президента Сообщества. Да, именно так, не меньше. Конечно, не всё просто и сразу, но и не боги горшки обжигали! Кое-какими связями в «Луче» на вип-ярусе Фэд обзавёлся. Если этого человека заинтересовать, то он кое в чём поможет. При грамотном подходе к делу шансы Фэда возрастут в геометрической прогрессии, а потом этот человек станет не нужен и с ним можно будет попрощаться. Так, как привык это делать Фэд Наасс. После таких прощаний уехавшие больше не возвращаются. Никогда. И немым укором во сне перед глазами не стоят: видно, заняты там другими делами. Может, безвылазно на процессах Страшного Суда пропадают в качестве обвиняемых. Кто их знает? Фэд никогда

не интересовался такой ерундой.

– Рут, ты что-то начал говорить о том, что раньше работал в Институте Времени. А что было потом и чем ты занимаешься сейчас? – спросил Фэд, хотя одного взгляда было достаточно, чтобы всё стало ясно.

– Видите ли, господин Наасс, я... как бы это сказать... в общем, я был условно нейтрализован на один год за... в общем, за неподчинение полиции, когда по требованию не остановил свой флаер. Я стал уходить от погони, не знаю, что это со мной случилось, я выпил немного на вечеринке и не захотел, чтобы меня лишили лицензии на управление... Но меня всё равно лишили и приговорили к условной нейтрализации на один год. Её только вчера сняли, я сейчас ещё ничем не занят, но собираюсь пойти рабочим на обслуживание небоскрёбов. Вот... Господин Наасс, мне неудобно просить вас об этом, но мне кажется, если вы... если вы захотели бы, то, наверное, могли бы дать мне рекомендацию, но вы меня совсем не знаете и конечно откажете мне... Извините...

– Рут, дружище, – начал Фэд и по-свойски приобнял парня, положив ему руку на плечо. – То, что ты мне сейчас рассказал, просто ужасно. Невероятно, как с такими хорошими и порядочными людьми, как ты, наши судьи могут быть настолько несправедливы? Невероятно!

Огорчению Фэда, казалось, нет предела. Его лицо выражало недоумение и обиду на весь этот мир, так несправедливо устроенный. Но хорошо знающие Наасса, мгновенно по-

няли, что он ёрничает, такая манера поведения ему совершенно несвойственна.

Рут же смутился окончательно оттого, что столь солидный человек этак по-простому с ним разговаривает и обнимает, будто лучшего друга. Он, конечно, понимал, что они не друзья, но после года постоянных окриков, тумачков, бесконечных моральных издевательств, непосильной, вытягивающей жилы работы по шестнадцать часов в сутки, подобное отношение незнакомца растрогало до глубины души.

– Послушай, Рут, ты когда-нибудь пил кофе? Настоящий кофе урожая, собранного во Временной плоскости девятнадцатого века?

Находящийся почти в состоянии ступора недотёпа лишь отрицательно покачал головой.

– О-о! Это настоящая сказка! Ни с чем не сравнимое удовольствие, совсем не то, что полученный через процедуру заказа. Пойдём, выпьем по чашечке, заодно подумаем, как тебе быть дальше. Как говорили в старину: «одна голова хорошо, а две – лучше».

– Но, господин Наасс, это наверняка очень дорого, а у меня... в общем, я сейчас... я сейчас тороплюсь, у меня важное дело, давайте в другой раз.

– Рут, старина, есть одно золотое правило: «когда пьёшь кофе, любые дела подождут». А об остальном не беспокойся, это всё пустяки, я угощаю. Пошли, – дружески сказал Наасс, увлекая недотёпу в сторону ресторана, при одном взгляде на

который любому становилось ясно, что человеку, живущему на зарплату, считающему каждую ассигнацию, путь сюда заказан.

Как только овальная дверь отъехала в сторону и Наасс шагнул в зал, обслуживающий персонал мгновенно расцвёл счастливыми улыбками людей, встретивших самого близкого и родного человека.

И не мудрено.

Ресторан целиком и полностью принадлежал Наассу. Из своего кабинета, встречать хозяина, в зал поторопился управляющий – расторопный малый с располагающей внешностью.

Небольшой зал, отдельный от общего, был оборудован во вкусе Наасса, а вернее, по типу роскошного живого сада для вип-персон, где доводилось бывать ему, когда он попадал в «Луч» на приём к человеку, к которому нашёл подход, не скупясь на ассигнации.

Всё здесь было на высшем уровне – таком, о котором простые люди могут только догадываться и всё равно не смогут представить всех тонкостей и изысков ввиду некомпетентности. В такой обстановке вип-персоны живут круглосуточно, считая это нормой, простые же люди расценивают подобное как волшебный сон, если он и сбудется, то лишь раз, а дальше всё вернётся на круги своя. Останутся лишь воспоминания о великолепии, которое випы наверняка не замечают, воспринимая как должное.

На потолке зальчика, за неимением настоящего, располагалась голограмма голубого неба с висящими в пронзительной высоте белыми облачками. Где-то под ними, раскинув крылья, парили птицы.

Стены помещения окружала голограмма соснового леса из высоких деревьев и небольшого подлеска. Под стволами всё усыпано старыми сосновыми иголками и шишками. Дорогие самые лучшие ароматизаторы воспроизводили чистый лесной воздух, наполненный запахами хвои, коры сосен, больших муравейников.

Вдалеке слышался стук дятла, поближе – шум крыльев перелетающих с дерева на дерево птиц и их нескончаемые, не мешающие разговору щебет и пение. Вверху шумели кроны столетних деревьев, сквозь них пробивались косые лучи солнца.

Изредка из леса выходили любопытные обитатели и опасно разглядывали сидящих в зале. Затем шли к журчащему рядом весёлому ручейку и долго пили, настороженно косясь по сторонам. И вдруг стремглав уносились в чащу. А медведи, не торопясь, как истинные хозяева, вразвалочку пропадали среди деревьев, шумно раздвигая низкий кустарник.

Там, на вип-ярусе экологическую чистоту поддерживали замкнутые экосистемы, позволяя обитателям чувствовать себя максимально комфортно. Голограмма соснового леса была идеей Фэда, так как всех его денег никогда не хватило бы на экосистему, не говоря уже о её поддержании в рабо-

чем состоянии. Такое могли себе позволить только имеющие доступ к государственной казне, исправно пополняемой за счёт налоговых и иных поступлений.

Рут Терранн был ошеломлён. Ему, родившемуся и всю жизнь проведшему в городе, никогда не видевшему живого леса, эта голограмма показалась волшебной.

В прошлом ему доводилось видеть небо, он жил в ярусе сразу над энергетическими уловителями, а работал аж на среднем ярусе. Видеть настоящее небо – уже само по себе немало и Рут поначалу был благодарен судьбе, что родился выше пояса энергетических уловителей. Вот только судьба-злодейка в дальнейшем смешала все карты и распорядилась так, что он лишился всего и оказался выброшенным на улицы Саант-Тирритта. Прощать такое оскорбление от властей как приговор к условной нейтрализации, Рут не собирался. Он не знал, как отомстит, но что-нибудь сделает обязательно.

К столу подавали восхитительные на вкус и не знакомые Руту на вид блюда, названия которых он тоже никогда не слышал. Сомелье предлагал марочные вина, букет которых Рут не понимал и пробовал всё подряд, всё более и более раскрепощаясь. Статный официант с благородной проседью на висках великолепно выполнял свои обязанности.

Фэд внимательно слушал хмелеющего Рута, пользуясь старым, как мир приёмом: если хочешь расположить к себе собеседника, слушай его, интересуйся проблемами, говори

о том, что интересно ему. Задавай вопросы так, чтобы собеседник продолжал и продолжал говорить взахлёб, и тогда он будет считать тебя человеком, отлично разбирающимся буквально во всём, о чём бы ни зашёл разговор. На самом же деле можно абсолютно не владеть предметом разговора, но правильно и вовремя заданный вопрос заставит собеседника продолжить обсуждение и даже не заметить чужой некомпетентности.

Рут, используя предоставленный персоник, извлекал какие-то многоэтажные формулы, схемы и прочую научную информацию. При этом он не глядя, уплетал деликатесы, запивал различными винами подаваемых сортов. И всё из одного, стоящего под рукой и вовремя наполняемого бокала.

Так Наасс в общих чертах узнал, что ему было нужно, и лишний раз убедился, что не зря собирается поставить на этого парня.

Как закончился обед и как он оказался в этой богато обставленной спальне, Рут не смог бы сказать наверняка. Открыв глаза, он обнаружил себя лежащим на широкой кровати, а рядом сидела девушка будто с картинки и улыбалась ему.

– Привет, – сказала она, продолжая обворожительно улыбаться.

– Привет, – растерянно ответил Рут, пытаясь понять, где он и как сюда попал.

Не мучаясь воспоминаниями, спросил:

– Где я?

– Ты у меня в гостях, – ещё обворожительнее улыбнулась девушка.

– Как я сюда попал?

– Ты разве не помнишь? – натурально удивилась красотка.

– Нет... – растерянно ответил Рут.

– Мы познакомились в ресторане, – ты был там с господином Наассом.

И тут в голове Рута всё встало на свои места. Ему стало стыдно, как никогда в жизни. Даже после приговора суда к условной нейтрализации, он не испытывал такого позора. Терранн рывком сел на кровати, затем сделал попытку встать.

Девушка мягко удержала его.

– Ты собираешься уйти? – спросила она.

– Да. Извини, неудобно получилось, я пойду, – пробормотал Рут, не поднимая головы.

– Куда ты пойдёшь? Ночь уже. Оставайся, мне одной скучно. Да и господин Наасс хотел бы завтра встретиться с тобой, если ты не возражаешь, конечно.

Рут начал кое-что соображать. Он подозрительно посмотрел на девушку и спросил:

– Тебя как зовут?

– Для тебя я Мии.

– А для других?

– И для других я тоже Мии, это моё имя, – нисколько не смутилась девушка. – Ты останешься?

– Это господин Наасс приказал тебе?

– Нет, господин Наасс не такой, – спокойно ответила Мии, вспоминая, как в ресторане Фэд глянул в её сторону и взглядом показал на захмелевшего собеседника, опустившего голову на грудь. Мии беспрекословно подошла и присела рядом.

– Здравствуйте, господин Наасс. Что пожелаете?

– Сейчас вас отвезут к тебе, я хочу, чтобы он остался доволен. Этот парень нужен мне.

– Хорошо, господин Наасс, – ответила Мии, улыбнувшись.

И теперь она ответила так, как должна была ответить:

– Господин Наасс не такой, он солидный уважаемый человек. Работать у господина Наасса большая честь, многие об этом могут лишь мечтать.

Мии помолчала и вновь спросила, умело потупив взгляд:

– Ты останешься?

Рут неопределённо пожал плечами. Ему и в самом деле некуда было идти.

– Ванная комната в твоём распоряжении, возвращайся скорее, я буду ждать, – без всякой пошлости в голосе просто сказала девушка.

Рут удалился и только там, среди приятных запахов косметики и всевозможных баночек и тюбиков, почувствовал,

как буквально смердит от его тела и одежды. Он торопливо начал раздеваться, забросил одежду в буфер приёмника, установив режим прожарки, стирки и глажки. Затем забрался под душ, с наслаждением подставляя тело под упругие горячие струи.

Перед тем, как его из лунной шахты отправили на Землю, он прошёл необходимую санобработку, чтобы не везти въевшуюся за год работы в кожу пыль и вшей. Этого было достаточно, чтобы не стать разносчиком инфекции, но совсем недостаточно, чтобы находиться среди этих благородных запахов и рядом с этой очень красивой девушкой.

Руту вновь стало стыдно. Он представил, как от него разило в ресторане, вспомнил невозмутимые лица господина Наасса, сомелье и статного седовласого официанта, а потом красивое лицо Мии, в отчаянии сжал ладонями виски и застонал.

Выйдя из-под душа, Рут обнаружил, что одежда ещё не готова. Невероятным усилием воли преодолев стыдливость, он намотал на бёдра полотенце и зашёл в полутёмную спальню.

– У тебя отличное телосложение, развитая мускулатура, – оценила Мии. – Только немного худоватое. Но ничего, господин Наасс хорошо платит, ты быстро поправишься. Иди ко мне.

Подходя к кровати, Терранн бросил взгляд в большое зеркало и увидел своё худое от недоедания и жилистое от тяжё-

лой работы тело.

Он сел на краешек постели и замер, зажав руки между колен.

Обнажённая, гибкая и загорелая Мии поднялась на колени и приблизилась к нему со спины.

– Не волнуйся, всё будет хорошо, я обещаю, – жарко прошептала Мии ему в ухо, нежно дотрагиваясь пальчиками рук до его шеи и плеч, слегка прижав обнажённую грудь к его спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.